

Князь Михаил Обренович

СЕРБО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1876 ГОДА

А. А. Петров

Часто так бывает, что когда Великая Драма Истории уже сыграна и отошла в прошлое, в памяти потомков остается лишь ее кульмиационный момент, а первые акты, собственно и предопределившие ее дальнейшее развитие, отходят в тень и постепенно забываются.

Именно так и произошло с Сербо-турецкой войной 1876 г. Она оказалась в тени последующей Русско-турецкой войны, великой эпопеи освобождения Болгарии 1877–1878 гг. А между тем восстание сербов в Боснии и Герцеговине в 1875 г., борьба Сербии и Черногории, вмешательство России, приведшее русские войска к Плевне, на Шипку, наконец под стены Константинополя, — все это звенья одной пересрываемой цепи событий, обычно именуемой Восточным кризисом 1875–1878 гг., основательно потрясшей спокойствие Европы. И Сербо-турецкая война занимает в этой цепи не последнее место.

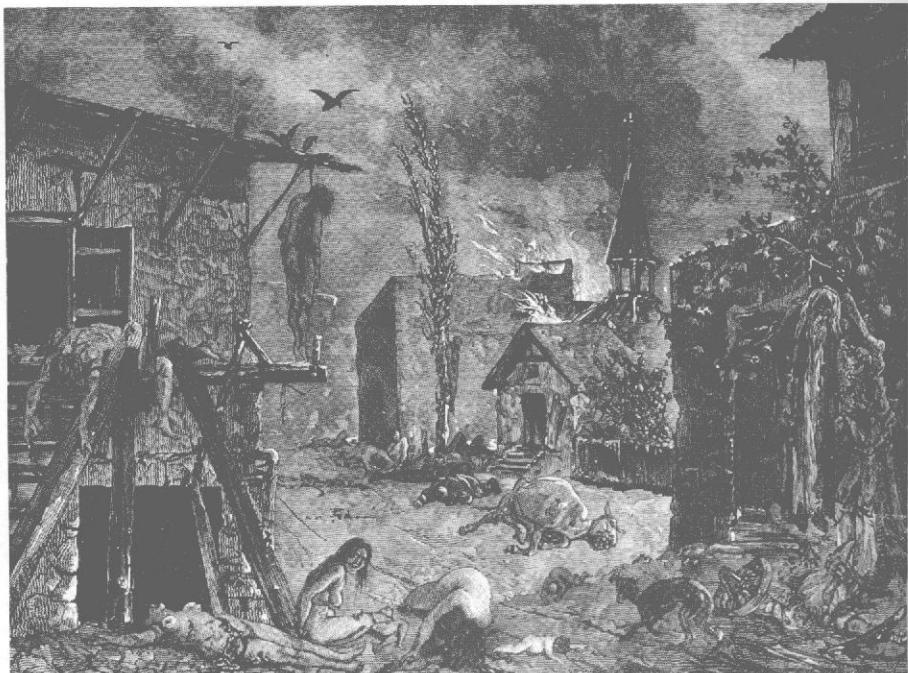
нал от верных людей, что следующей жертвой будет сам, то решился и 11 апреля 1815 г. поднял в селе Таково знамя второго Сербского восстания. На этот раз восставшим крупно повезло: застигнутые врасплох турецкие гарнизоны были быстро выбиты из страны, а проведению карательного похода турок помешали внешнеполитические обстоятельства и, в первую очередь, вмешательство России. Еще заключая в 1812 г. Бухарестский мирный договор, Кутузов оговорил в нем гарантии предоставления Сербии автономии в рамках Турецкой империи. Тогда эти положения остались только на бумаге, но теперь русские дипломаты напомнили о них турецким представителям на Венском Конгрессе. В этой обстановке турецкие паши предпочли начать переговоры с Милошем Обреновичем. Тот оказался достаточно сговорчив в деталях, но в главном сумел настоять на своем. Султан согласился признать его в качестве Верховного Князя Сербии, которая получала автономию и право иметь собственные небольшие вооруженные силы.

Не всех устроил компромисс, достигнутый князем Милошем. Бывший вождь вос-

ставших Кара-Георгий в июле 1817 г. тайно вернулся в Сербию, но вскоре, в ночь на 24 июля, был предательски убит по приказу Милоша Обреновича, а его отрубленная голова в виде трофея отправлена в Константинополь. С этого времени и ведет свое начало непримиримая вражда между двумя династиями, претендующими на сербский трон, — Обреновичами и Карагеоргиевичами.

В течение полувека Сербия жила в основном своими внутренними делами. Но положение изменилось, когда в 1860 г. на княжеский престол вступил сын князя Милоша — Михаил (или Михаило) Обренович. Этот дальновидный и честолюбивый политик поставил своей задачей добиться полной независимости Сербии и освободить от турецкого гната соседние земли, населенные сербами: Старую Сербию (Косово), Боснию и Герцеговину. Тогда же был выдвинут лозунг, что Сербия — это «Балканский Пьемонт», и подобно тому, как вся Италия объединилась вокруг Пьемонта, все югославянские земли должны объединиться и обрести свободу под властью сербского князя.

Болгарская деревня после разбойного набега башибузуков. Гравюра Напира с рис. Каразина

¹ Сербский князь (кнез) на 1804 г. — это не потомственный аристократ, а зажиточный крестьянин, исполнявший обязанности старосты селения или округа. Лишь после обретения Сербией автономии в 1815 г. Милош Обренович вернул титулу «Сербский князь» его обычное европейское значение.

Первым испытанием для князя Михаила стал кризис 1862 г. Он совпал с восстанием в Боснии — Герцеговине и Черногорско-турецкой войной. Сербские власти тайно поддерживали восставших и склонялись к тому, чтобы заключить с Черногорией военный союз. Однако перед сербами стояла собственная проблема: в Белградской цитадели и некоторых других крепостях все еще оставались турецкие гарнизоны. Князь Михаил потребовал их немедленного вывода. Дело едва не дошло до войны, когда 16 июня 1862 г. стычка на Белградском базаре между турецкими солдатами и горожанами переросла в настоящее побоище. Турки в ответ подвергли город артиллерийской бомбардировке. Это дало повод Великим державам вмешаться и поддержать требования сербов. Конфликт был погашен, и в 1867 г. турецкие гарнизоны наконец покинули сербские крепости.

Кризис 1862 г. показал слабость Сербии в военном отношении. Дело в том, что все регулярное сербское «стояче войско»² состояло на тот момент из 2-х батальонов пехоты, 2-х эскадронов кавалерии и нескольких артиллерийских батарей — скорее, личная охрана правителя, чем настоящая армия. И князь Михаил задумал дополнить ее так называемым «народным войском» — всеобщим ополчением. В 1861 г. был принят закон, согласно которому всех мужчин-сербов от 20 до 50 лет объявили военнообязанными, и они подлежали призыву в случае войны. Страна делилась на округа («срезы»), каждый из которых обязан был выставить батальон пехоты с соответствующим количеством конников, артиллеристов и саперов. При этом молодой контингент должен был сформировать батальоны 1-го класса³, а люди старшего возраста — батальоны 2-го класса (это соответствовало прусским ландесверу и ландштурму). Предполагалось, что батальоны 1-го класса будут нести службу в поле, а части 2-го класса — в тылу и гарнизонах. Таким образом, «народное войско» должно было составить 36 пехотных бригад, около 130 тысяч человек, — весьма внушительную силу, но его еще надо было соответствующим образом обучить и вооружить. Для этого всех военнообязанных предполагалось раз в год призывать в середине лета на месячные сборы. Одновременно сербские эмиссары поспеши-

но начали закупать в Австрии и России большие партии оружия, которое уже там снималось с вооружения.

Казалось, в 1867–1868 гг. князю Михаилу представилась прекрасная возможность испытать «народное войско» на практике: греческое население острова Крит подняло восстание против турок. Греция готова была поддержать своих соплеменников. Князь Михаил усердно зондировал почву на предмет военного союза с нею, а также с Черногорией. Еще с 1862 г. он поддерживал тесные контакты с болгарскими революционерами. Вырисовывались контуры Балканского Союза в том самом составе, в котором 44 года спустя, в 1912 г., он сокрушил Турецкую империю. Но 10 июня 1868 г. князь Михаил погиб от рук наемных убийц, сторонников династии Карагеоргиевичей.

Вполне возможно, что на самом деле это покушение инспирировалось турецкими властями. По крайней мере, со смертью князя все военные приготовления были остановлены, а на сербский престол вступил его племянник Милан Обренович, которому в тот момент не исполнилось еще и четырнадцати лет. Греция одна не отважилась выступить, и туркам удалось, хотя и с трудом, подавить восстание на Крите.

22 августа 1872 г. князь Милан достиг совершеннолетия, и регенты передали ему всю полноту власти. 17 октября 1875 г. молодой князь женился на Наталии Петровне Кешко, 16-летней дочери русского полковника. Княгиня Наталья по матери происходила из рода князей Мурузи и была в родстве со всеми лучшими аристократическими фамилиями Молдавии и Румынии. Она принесла мужу в приданное немалое состояние и во время войны 1876 г. полностью спарадила на свои средства добровольческий батальон, получивший название «батальона Княгини Натальи». В 1876 г. у княжеской четы родился сын, которого в честь Российского императора Александра II назвали Александром.

Затишье на Балканах продолжалось всего шесть лет, и в 1875 г. разразилась новая буря. Восстали Босния и Герцеговина. 9 июля 1875 г. в округе Невесинье, в Герцеговине, западные (турецкие полицейские) подверглись нападению жителей при попытке вторично собрать налоги, уплаченные всего за несколько дней до этого. Восстание вспых-

Князь Милан Обренович

нуло одновременно и повсюду. Черногория и Сербия активно поддержали восставших оружием, пропагандой и добровольцами.

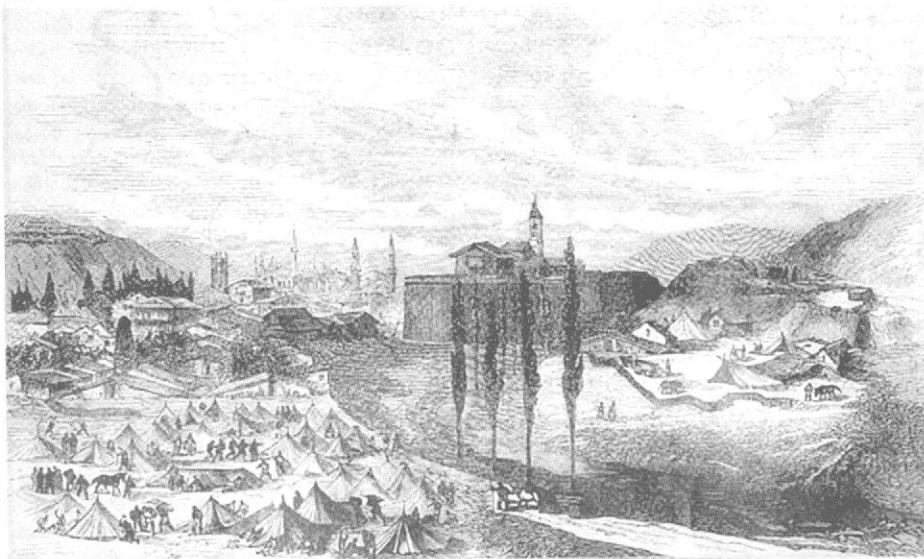
В высших кругах Сербии царила растениность, молодой князь Милан не знал на что решиться. Внешнюю политику княжества определял в это время министр иностранных дел Йован Ристич. Он усиленно зондировал почву насчет возобновления военного союза с Грецией, Румынией и Черногорией. Однако греки и румыны предпочли держаться в стороне, и лишь князь Николай Черногорский, который был настроен воинственно, подписал 3 июня 1876 г. военный союз с Сербией. Но было ясно, что в случае начала войны, турки обрушат свои основные силы именно на Сербию. Поэтому князь Милан и Ристич, затевая приготовления к войне, во многом строили свой расчет на дипломатической поддержке «великих держав» и, в первую очередь, на прямой помощи со стороны России.

В России события на Балканах вызывали к себе двойственное отношение. Император Александр II, будучи умным и расчетливым политиком, противился втягиванию России в этот конфликт, опасаясь противодействия со стороны других европейских государств, особенно Австрии и Англии. Но здесь ему пришлось столкнуться с оппозицией со стороны значительной части Российского общества, которое в едином нерасчетливом и бескорыстном порыве готово было немедленно броситься на спасение страдающих братьев-славян. Выразителем таких настроений стало движение «славянофилов», видные деятели которого, И. С. Аксаков, братья Киреевы и другие, еще в начале шестидесятых годов создали в Петербурге и Москве «Славянские благотворительные комитеты». Официально эти комитеты занимались достаточно невинным занятием — сбором пожертвований в пользу угнетенных балканских славян. На самом же деле деятельность Славянских комитетов простиралась гораздо дальше. Они активно снабжали деньгами и оружием герцеговинских повстан-

² Буквально «постоянная армия».

³ В различных источниках части именуются по-разному: 1-го (2-го) «класса», «призыва» либо «очереди». Это синонимы.

Турецкая крепость Ниш. Гравюра А. Доммюлера

Солдаты сербской армии.
Реконструкция автора.

1. Пехотинец в походной форме.
2. «Заставник» (знаменосец) со знаменем частей Народной армии.
3. Штаб-офицер в полевом мундире, но вместо шайкачки носит парадное офицерское кепи.

цев, вели широкую пропаганду в пользу освободительной борьбы славян по столицам всех Европейских государств, пытались организовать политические демарши в их пользу, даже вели прямые переговоры с болгарскими революционерами на предмет оказания им всей необходимой помощи. Выражаясь современным языком, это называется подрывной деятельностью на территории суверенного иностранного государства. Российское правительство, не одобряя таких действий, но все же учитывая настроения общества, вынуждено было смотреть на это «сквозь пальцы».

Теперь Славянские комитеты, находясь в тесном контакте с сербским правительством, обещали ему всяческую поддержку. Но Ристич, благосклонно принимая ее, надеялся, что если дело дойдет до войны, то помочь со стороны России будет оказана на самом высшем правительстенном уровне.

Между тем обстановка накалялась: в апреле 1876 г. началось восстание в Болгарии — самое крупное за всю историю этой страны. Оно готовилось уже давно, и наиболее энергично в Пловдивском округе под руководством Георгия Бенковского. Выступление, которое должно было начаться по всей стране одновременно, назначили на 11 мая, день святых Кирилла и Мефодия. Но туркам удалось раскрыть планы заговорщиков, и тогда Бенковский решил выступать немедленно, не дожидаясь условленной даты. 20 апреля восстали жители Копрившице, Панагюриште, Батака и других городов и сел.

Султан послал против болгар регулярные войска и до 10000 башибузуков, которые подавляли восстание с чудовищной жестокостью. В одном только городке Батак из 7000

Генерал Франьо Зах

жителей перебили 6000, а город сожгли до тла. За несколько дней было предано огню 79 сел, убито по меньшей мере 15000 чел., 80000 чел. осталось без крова; вся область превратилась в исполинское кладбище.

Известия о «болгарских зверствах» облетели Европу, вызвав всюду возмущение действиями турок и участие к угнетенным славянам. Особенно это ощущалось в России, где сочувствие к «братушкам» и желание хоть чем-то помочь сербам и болгарам стало повсеместным.

Обстановка требовала немедленного вмешательства «великих держав». 13 мая 1876 г. в Берлине состоялась встреча канцлеров Австрии, Германии и России, на которой по инициативе Российского канцлера Горчакова был принят так называемый «Берлинский меморандум», требовавший от Турции прекратить на два месяца боевые действия против повстанцев и немедленно приступить к реформам, которые облегчили бы положение христианского населения в стране. Франция и Италия присоединились к этому меморандуму, Англия воздержалась.

Однако в ответ из Стамбула пришло известие, что в ночь с 29 на 30 мая султан Абдул-Азиз схвачен в своем дворце, свергнут с престола и убит. Его преемником стал Мурад V, послужное орудие в руках непримиримых мусульман из «партии войны», руководимой честолюбивым Мидхат-пашой. Сразу вслед за этим, 8 июня, Турция потребовала от Сербии и Черногории объяснений по поводу их открытой подготовки к войне. Это заставило, наконец, князя Милана решиться. 23 июня он ответил на запрос Турции встречным требованием, чтобы «турецкая армия и все дикие орды были удалены с границ княжества», а возвращение мира и порядка в Боснии и Герцеговине поручено было сербским и черногорским войскам. Турция, разумеется, ответила отказом, и тогда 30 (18) июня 1876 г. Сербия и Черногория объявили ей войну. Главную силу в этой славянской коалиции представляла, несомненно, более крупная территориально и более сильная Сербия. И понятно, какой энтузиазм охватил всю Россию, когда узнали, что во главе сербской армии встал отставной русский генерал Михаил Григорьевич Черняев, человек, известный своими победами в Средней Азии и получивший от европейских журналистов почетное прозвище «Лев Ташкента».

Организация сербской армии на начало войны 1876 года

Регулярное «стояче войско» имело следующий состав:
2 батальона пехоты по 4 четы (роты) в каждом — всего 1600 человек;
2 эскадрона кавалерии — 160 человек;
8 полевых артиллерийских батарей — 64 орудия;
4 горные батареи — 16 орудий;
мастеровая артиллерийская рота;
пioneerный и pontonierный батальоны по 3 четы в каждом — 600 человек;
обозное и санитарное отделения.
Итого, в постоянном войске всего было около 4000 человек.

Народное войско подразделялось на два призыва. 1-й призыв составляли люди до 35 лет, а 2-й — люди от 35 до 50 лет. Каждая из 17-ти областей Сербии выставляла по одной бригаде 1-го и 2-го класса, кроме Пожаревацкой, которая, как самая многочисленная, выставляла по 2 бригады каждого класса. Таким образом, в 1-м призыве было 18 территориальных бригад, или 80 батальонов, свои названия они получали по той местности, из которой набирались. Каждая бригада состояла из четырех (иногда пяти) батальонов без деления на полки. Второй призыв национальной милиции также подразделялся на 18 бригад и давал всего 48000 человек.

Батальон Народного войска состоял из 4-х чет (рот), при этом по штату в батальоне 1-го класса было 946 чел., а в батальоне 2-го класса — 706 чел. Всего пехоты, таким образом, насчитывалось 130000 человек. Кавалерия составляла 33 эскадрона 1-го класса (по 130–150 чел. в эскадроне), всего до 5000 человек. Артиллерия в случае войны развертывалась из кадров постоянной армии формированием 1 горной и 27 полевых батарей и доходила до 40 батарей, всего 250–300 орудий и 6000 солдат.

1-й класс Народного войска составлял 6 дивизий.

1-я Дринская дивизия: Шабакская, Подринская и Валевская бригады;
2-я Западно-Моравская дивизия: Ужицкая, Чачакская и Рудничская бригады;
3-я Южно-Моравская дивизия: Крушевачская, Алексинацкая и Чуприйская бригады;
4-я Тимокская дивизия: Княжевачская, Чернорецкая и Краинская бригады;
5-я Дунайская дивизия: Пожаревачская, Браличевская и Смедеревская бригады;
6-я Шумадийская дивизия: Белградская, Крагуевачская и Ягодинская бригады.

Во время войны, однако, части переменились, и в результате были разрознены не только все дивизии, но и большинство бригад. Кроме того, поскольку значительное количество частей 2-го класса также оказались в составе действующей армии, сербское командование к концу войны пошло на выделение подразделений особого 3-го класса, в батальоны которого вошли призывники самых старших возрастов, и использовались они уже исключительно для службы в тылу.

Начало войны

Итак, война была объявлена, сербская армия заранее мобилизована и подтянута к границам. Настал тот момент, когда «народное войско», детище князя Михаила, должно было пройти проверку на прочность в реальной боевой обстановке.

Мобилизация и сосредоточение сербских войск в 1876 г. завершилась за неделю, с 18 по 30 (с 6 по 18) июня. Всего было при этом сформировано 176 пехотных батальонов 1-го и 2-го класса, 18 кавалерийских эскадронов, 44 артиллерийские батареи, 6 саперных батальонов и 6 санитарных рот — всего 124000 человек и 210 орудий.

Сербская пехота 1-й очереди была вооружена в основном казнозарядной винтовкой Либоди, а частично переделанными винтовками Грина худшего качества, значительная часть «войников» (солдат) 2-й очереди имела лишь нарезные капсулевые ружья, заряжающиеся с дула, либо же вообще гладкоствольные кремневки. Артиллерия была вооружена бронзовыми нарезными орудиями, заряжающимися с дула.

Турция превосходила Сербию в десятки раз по территории, населению, имела сильную регулярную армию и большие военные запасы, в общем, все преимущества были на её стороне. Единственный шанс Сербии, таким образом, заключался в том, чтобы нанести внезапный удар, пользуясь небольшим численным перевесом, пока турецкие войска ещё полностью не сосредоточились. При этом необходимо было быстро захватить главную турецкую пограничную крепость Ниш, запирающую дорогу на Софию, и затем двигаться в глубь Болгарии, пытаясь вновь поднять там восстание.

Именно такой план и был предложен Черняевым сразу по приезде в Сербию. После некоторых колебаний князь Милан принял его, а Черняева назначил командующим главной, Моравской, армией. Тот осмотрел войска и нашел их «превосходными

ми» хотя, конечно, знал, что армия «молодая» и едва обученная. Но, несмотря на это, он был полон надежд.

Верховным Главнокомандующим сербской армии считался сам князь Милан Обренович, однако по своим знаниям и характеру он не способен был реально управлять войсками. Начальником штаба у него был полковник Любомир Йованович, тогда как полковник Тихомир Николич, сербский военный министр, должен был заведовать вопросами тыла.

Развертывание сербских войск к началу войны было следующим.

Моравская армия.

Командующий — генерал М. Г. Черняев. 59 батальонов, 15 эскадронов, 17 батарей, 2 инженерных батальона, всего 68000 чел.; была сконцентрирована в долине Моравы для наступления на крепость Ниш и одновременного обхода ее в направлении на Ак-Паланку и Пирот; вспомогательные удары — на Пирот, Прокупле и Куршумле.

Тимокская армия.

Командующий — полковник Милойко Лешанин. 23 батальона, 2 эскадрона, 6 батарей, инженерный батальон, всего 25000 чел.; концентрировалась под Заечаром и селом Кошибница, должна была оборонять границу со стороны Видина, при этом для усиления позиций предлагалось организовать частное наступление на Кулу.

Ибарская армия.

Командующий — генерал Франьо Зах. 31 батальон, 2 эскадрона, 6 батарей, инженерный батальон, всего 11500 чел.; располагалась у села Кущичи (впереди Чачака) на Яворе с задачей наступать на Сиеницу и Новый Базар.

Дринская армия.

Командующий — генерал Ранко Алимпић. 11 батальонов, 2 эскадрона, 4 батареи, инженерный батальон и Добровольческий корпус, всего 20000 чел.; была собрана под

Лешницей для защиты сербской границы на Дрине, Добровольческий корпус уже активно действовал в Боснии.

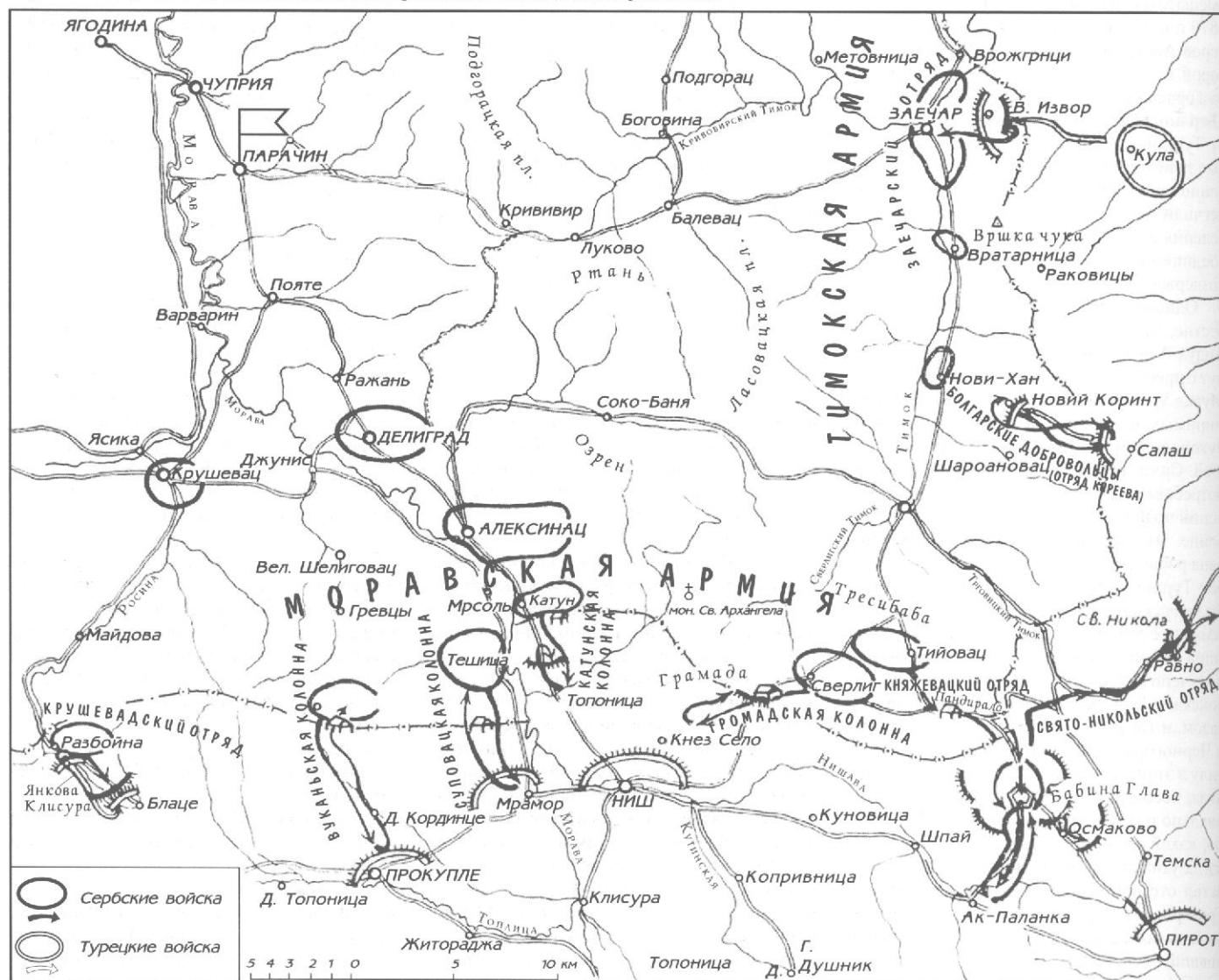
Общий резерв (28 пехотных батальонов и крепостная артиллерия) находился у Алексинаца и Делиграда.

Им противостояли пока относительно слабые силы турок: вокруг крепости Ниш — 13 батальонов, 5 эскадронов и 6 батарей дивизии Мехмед-паша; в Ак-Паланке и Пироте — 3 батальона с одной батареей; в Прокупле (Уркубье) — 3 батальона, эскадрон и батарея; против Дринской и Ибарской армий — примерно по одной бригаде.

Турецким главнокомандующим с началом войны был назначен военный министр сердар-экрем (фельдмаршал) Ахмед-Керим-паша.

Как Черняев, так и турецкое командование ясно понимали, что в предстоящей войне Дринская и Ибарская армии будут играть второстепенную роль, а основные боевые действия развернутся в долине Моравы и отчасти Тимока. Поскольку Сербия преимущественно горная страна с плохими дорогами, наиболее доступным проходом для вторжения в неё являлась долина Моравы; на всем остальном протяжении сербо-турецкая граница проходила по горным хребтам. Ключевой турецкой крепостью в долине Моравы был Ниш, у сербов такую же роль играла расположенная против неё крепость Алексинац.

Сербское наступление в начале войны на Моравском и Тимокском направлениях

Перед Моравской армией стояла ближайшая задача: повести атаку на Нишскую крепость с фронта и одновременно обойти ее значительными силами с правого фланга с тем, чтобы захватить участок шоссе Ак-Паланка — Пирот и отрезать Ниш от Софии. После этого можно было либо атаковать Ниш с тыла, либо же развивать наступление в направлении Болгарии.

Уже на другой день после объявления войны, 2 июля (20 июня), главные силы Моравской армии, заблаговременно передвинутые из Алексинаца через Соко-Баню к Княжевцу, перешли турецкую границу в районе горного перевала Пандирло. Вечером авангардный Княжевецкий отряд подполковника Хорватовича подошел к горе Бабина Глава. На вершине её турками был сооружен редут, в котором на тот момент находилось всего три роты. Хорватович, не зная об этом, отложил атаку до следующего утра, чтобы дать войскам отдых. Между тем ночью на позицию прибыла турецкая бригада с двумя батареями. В 4.30 утра 21 июня (3 июля) турки атаковали сербский отряд, нацеливая удар на левое крыло, где располагались три батальона. Они едва держались, когда гонец принес весть, что на подходе Черняев с основной колонной. Это придало войникам новые силы. В 11.30 с появлением Черняева с Шумадийскими батальонами обстановка резко изменилась в пользу сербов. Батарея поручика Никодия,

Генерал Ранко Алимпић

которая до этого одна выдерживала борьбу с турецкими батареями, перешла теперь на левый фланг и была заменена батареями капитанов Сречковича и Стевы Груича. В час дня началось общее наступление сербов в центре и на правом фланге. Чтобы подступить к редуту на вершине горы, наступающие должны были преодолеть сначала два стрелковых рва. Первые две атаки турки отбили огнем. Тогда сербская артиллерия сконцентрировала шквальный огонь на редуте, а кавалерия, двигаясь вдоль Витановацкого ручья, создала угрозу путем отхода турецкого отряда. Это помогло: при

Развёртывание главной Моравской армии на начало войны

Армия подразделялась на несколько колонн:

Вуканьяская колонна (10 батальонов 1-го и 2-го класса, 2 эскадрона конницы, 1 полевая батарея; командир — полковник Коста Бучевич) имела задачу занять Прокупле, перерезать дорогу Прокупле — Куршумлие, отбросить неприятеля от Прокупле к Нишу и затем продолжить наступление на Ниш во взаимодействии с главной (Суповацкой) колонной, которой она в оперативном отношении и была подчинена.

Главная (Центральная, или Суповацкая) колонна (15 батальонов 1-го и 2-го класса, 7 эскадронов конницы, 3 полевые и 3 горные батареи, инженерный батальон и понтонный отряд; командир — полковник Милутин Йованович) имела задачу захватить мост у Мрамора и затем занять крепость Ниш или, по крайней мере, перерезать путь Ниш — Лесковац и соединиться с Вуканьюской колонной, которая в этом случае переходила в ее подчинение, и в результате, по-видимому, полностью блокировать Ниш.

Левофланговая колонна под Дерветом и Сверлигом (20 батальонов 1-го и 2-го класса, 5 эскадронов конницы, 4 полевые и 4 горные батареи; командир — полковник Любомир Узумиркович) имела задачу перейти границу на Громаде, произвести демонстрацию в сторону Ниша и в случае успеха Суповацкой колонны пересечь коммуникацию Ниш — Пирот. С этой колонной шел и командующий Моравской армией генерал Черняев со своим штабом, но затем он пересмотрел свое решение и попал с Княжевакским отрядом Хорватовича.

Катунская колонна (3 батальона 2-го класса, чета постоянных войск, эскадрон конницы, полевая батарея; командир — капитан Павле Джорджевич) создана 1 июля для операции по занятию Катуна, она имела задачу занять Топоницкие высоты, перерезать дорогу Ниш — Топоница — Катун и закрыть промежуток между Суповацкой и Громадской колоннами, способствуя их действиям.

В оперативном подчинении Моравской армии находились следующие отряды:

Крушевакский отряд (батальон 1-го и батальон 2-го класса, 2 батальона 3-го класса, взвод конницы и полевая бригадная батарея; командир — капитан Стеван Бинички) имел задачу занять Янково клиссуру (Янково Ущелье) и перекрыть путь возможного наступления турецких резервов от Крушумлие на Крушевак в тыл Моравской армии.

Княжевакский отряд (8 батальонов 1-го и 2-го класса, отряд добровольцев, эскадрон конницы, полевая бригадная батарея из 8-ми орудий, легкая горная батарея из 4-х орудий и чета пионеров; командир — подполковник Джуро Хорватович) группировался у Тийовца с задачей занять Бабину Главу и Ак-Паланку и перерезать дорогу Ниш — Пирот и далее отражать попытки турок наступать к Нишу от Софии. Именно на это направление Черняев перенес в дальнейшем главный удар, прибыв сюда лично вместе с армейскими резервами.

Отряд в районе Корита и Кадибогаза (около 500 болгарских добровольцев под командой майора Николая Киреева) служил связующим звеном между Тимокской и Моравской армиями, должен был совершать рейды на территории Болгарии, пытаясь поднять местное население на борьбу против турок и тем самым увеличить свои ряды за счет притока новых добровольцев.

третьей атаке сербская пехота уже не встретила упорного сопротивления. Турки оставили редут и в беспорядке бежали к Ак-Паланке; Черняев не стал их преследовать.

Известие о первой победе сербского оружия широко разнеслось по страницам российской и европейской прессы. Все ждали продолжения, но новых побед не последовало. Черняев вдруг начал действовать, как казалось, излишне осторожно.

Он оставил в главном лагере на Бабиной Главе в качестве резерва 10 батальонов и 4 батареи, а остальные силы разделил на три отряда: отряд капитана Михаила Сречковича (3 батальона, полэскадрона и батарея) был выделен для охраны границы в направлении перевала святого Николая; отряд генерала Джордже Стратимировича (2 батальона, полэскадрона и полбатареи) послан для захвата Ак-Паланки; отряд полковника Милета Деспотовича-Джулича (2 батальона, полэскадрона и полбатареи) отправлен для занятия села Осмакова на дороге к Пироту.

Но отряды Стратимировича и Деспотовича вместо того, чтобы действовать решительно, ограничились лишь простой демонстрацией: они не стали переходить на лесный берег Нишавы, а провели только артиллерийский обстрел Софийского шоссе. Затем Стратимирович, который не дошел до Ак-Паланки всего пять километров, внезапно отступил под предлогом, что турки сами готовятся перейти в наступление. При этом известии по главному сербскому лагерю распространилась беспричинная паника, разгневанный Черняев сметил как Стратимировича, так и Деспотовича. Но что мешало Михаилу Григорьевичу самому возглавить войска и повести новую атаку на крепость Ак-Паланка, занятую лишь слабым гарнизоном турок? Однако он делать

этого не стал, находясь, по-видимому, в нерешительности, а вскоре уехал на время из лагеря, передав командование подполковнику Хорватовичу.

Объясняется его нерешительность просто: к тому моменту выяснилось, что сербское наступление на всех остальных направлениях закончилось полным провалом. 3 июля (21 июня), когда была взята Бабина Глава, колонны Кости Бучевича, Милутина Йовановича и Любомира Узумирковича с трех сторон попытались атаковать турецкие позиции под Нишем, но потерпели поражение. Выяснилось, что молодые, необстрелянные сербские солдаты совершенно не способны атаковать укрепленные позиции врага, легко поддаются панике и рассеиваются, как только попадают под огонь.

Некоторых успехов в ущелье Янкова Клиссура на правом фланге армии добился слабый Крушевакский отряд капитана Стевана Бинички, да отряд болгарских добровольцев под руководством русского офицера майора Николая Киреева на левом фланге совершил удачный набег через перевал Кадибогаз на болгарское село Белградчик.

Полковник Милутин Йованович

Но незначительные частные успехи никаким образом не могли компенсировать главной неудачи под Нишем, и это означало, что войска Черняева под Бабиной Главой попадают в очень опасное положение. Как только к туркам подойдет резерв, они немедленно окажутся отрезанными в тылу врага, имея для отступления лишь несколько труднопроходимых горных дорог. Поэтому, вернувшись обратно в лагерь на Бабиной Главе, Черняев 10 июля (28 июня) приказал главным силам отступать обратно к сербской границе у Пандирало, оставив на прежней позиции лишь слабый арьергард. Это было равносильно крушению всех планов и надежд.

Так что же все-таки произошло? Сейчас, когда пытаешься разобраться в событиях, ясно видно, что Сербия была слишком слаба, чтобы победить в этой войне. Собственно, война была проиграна в тот момент, когда раздался первый выстрел. И причина тому — специфические качества молодой сербской армии, которая, по точному определению участника войны добровольца штабс-капитана Гейсмана, была «импровизированная в полном смысле этого слова».

Вообще, сербский воиник представлял собой хороший, но совершенно сырой материал. Пехота была практически не обучена. В дни мира предполагалось, что все военнообязанные будут призываться раз в год на месячные сборы. Но страна была бедна, денег на это мероприятие постоянно не хватало, и фактически никакой подготовки будущие солдаты не получали. К этому надо добавить еще недостаток оружия и снаряжения.

Но самая главная беда — в стране почти не было подготовленных офицерских

Бесчинства турецкого отряда в мирной болгарской деревне. Рисунок из журнала «Нива»

Полковник Милойко Лешанин

и унтер-офицерских кадров. Согласно документам сербских архивов в 1874 году, за два года до войны, во всей сербской армии насчитывалось всего 317 офицеров! Поэтому при мобилизации командиром батальона «народного войска» обычно назначался младший офицер и батальонным адъютантом в помощь ему — воспитанник старшего класса Военной академии. Все остальные младшие командиры — дестари (десятыни), наредники (унтер-офицеры), водники (воздвояные), заставники (занеменосцы), их условно можно приравнять к подпрапорщикам), четоводы (ротные фельдфебели) и «народный старейшина» или «народный командир» (фельдфебель батальона), командовавший батальоном в отсутствие офицера — выбирались из среды своих же односельчан и были подготовлены ничуть не

лучше своих подчиненных. Поэтому в бою, попав под огонь, не чувствуя твердой руки и примера унтер-офицеров, рядовые чаще всего сразу рассыпались и дальше действовали по принципу «спасайся, кто может».

Если пехота была обучена плохо, то кавалерия вообще никуда не годилась, поскольку к необученным людям прибавлялись еще и невыезженные лошади⁴, взятые едва ли не от сохи. Поэтому в продолжение всей войны кавалерия использовалась для ординарской службы и конвоирования обозов, и лишь несколько лучших конных отрядов применялись на флангах в качестве партизан. Только артиллерия и технические войска отличались в лучшую сторону своей дисциплиной и боеспособностью, поскольку при развертывании каждый артиллерийский расчет имел в своем составе от одного до трёх старослужащих солдат регулярной армии.

Необученная, плохо организованная и плохо вооруженная сербская армия еще могла защищать свою землю, но была не способна к быстрому, решительному наступлению, легко поддавалась панике при малейшей угрозе с фланга или тыла. В общем, армия совершенно не годилась для той задачи, которая была перед ней поставлена.

План войны, предложенный Черняевым, был лучшим из всех возможных, но он мог быть выполнен, если бы Михаил Григорьевич имел под командой своих закаленных туркестанских ветеранов, а не сербских ополченцев. Но тогда, выходит, правы те, кто обвиняет Черняева в авантюризме? Не могу с этим согласиться. За то, что Сербия начала войну, будучи неготовой

к ней, основная доля вины ложится на князя Милана и сербское правительство. Больно им было думать, что Россия вступится за них всей мощью при первом же выстреле! И мог ли Черняев, тайно приехавший из России, для которого борьба за освобождение славянства стала делом его жизни, который, наконец, с назначением командующим действующей армии связывал свое возвращение к активной деятельности, теперь, после первого боя, устроить скандал и уйти, хлопнув дверью, из-за того, что ему «подсунули не тех солдат»? Нет, Черняев этого сделать не мог и ему оставалось теперь лишь действовать, как говорится, «взялся за гуж, не говори, что не дюж». И он «тянул» через силу, до конца пытаясь исправить эту заранее проигранную кампанию. Тем более никого другого в Сербии,ющего принять у него командование, в то время не было.

От задуманного наступления Михаилу Григорьевичу пришлось отказаться — он не мог идти навстречу верной катастрофе. Сербы тем самым теряли свои последние преимущества. Турки получили возможность собрать превосходящие силы и взять инициативу в свои руки, т. е. перейти в наступление. Положение стало по существу безнадежным, но война была уже начата, и, хочешь-не хочешь, нужно было защищаться.

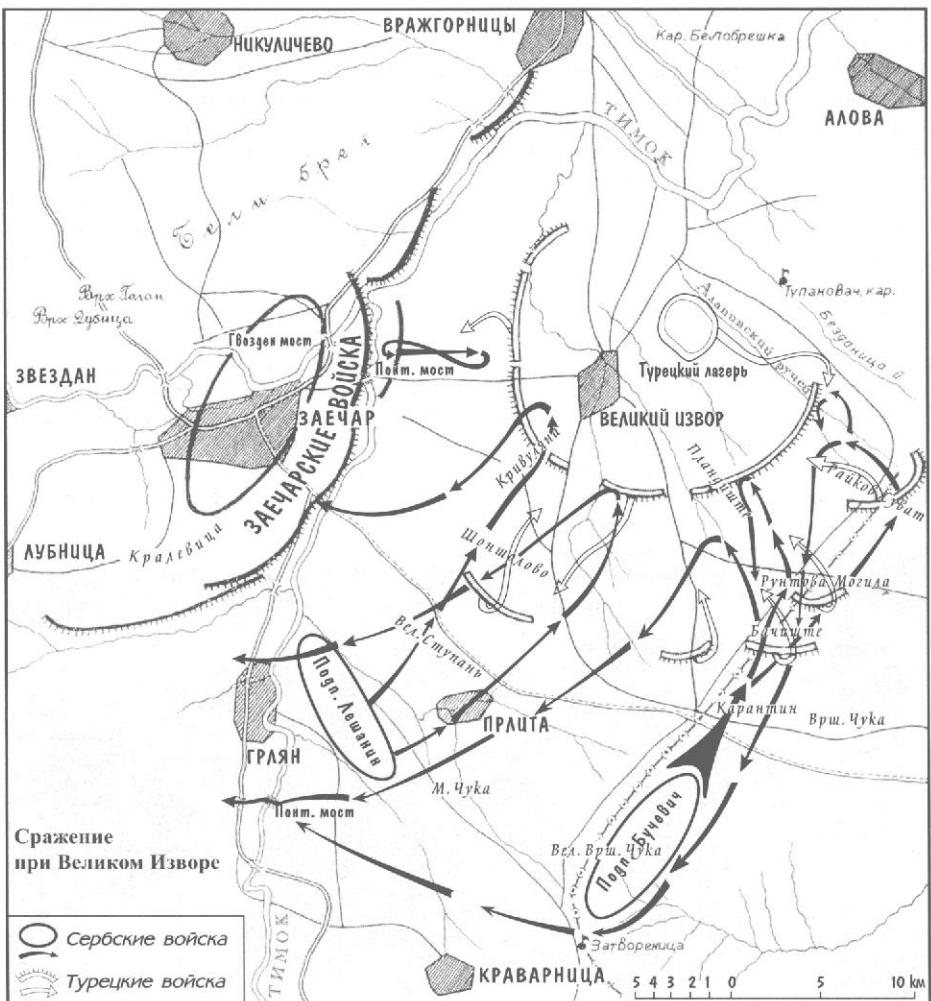
Сражение при Великом Изворе

Черняев, отказавшись от общего наступления, еще не оставил идею частных контрударов. Объектом для такого удара он избрал Видинский корпус Осман-паши (будущего защитника Плевны), оперировавший в долине реки Тимок, на крайнем левом фланге сербского фронта. 14 (2) июля он забрал часть Моравской армии из лагеря под Бабиной Главой и двинулся на Княжевак и Вратарницу.

На этот момент Михаил Григорьевич страдал и от общей неустроенности войск, и от отсутствия дальних помощников. Поскольку в Сербию он приехал в одиночестве, то теперь при подборе штаба ему приходилось полагаться на случайных и малознакомых людей.

Первым начальником штаба у Черняева в сражениях при Бабиной Главе и Великом Изворе был некий Беккер — довольно любопытная личность финско-русского происхождения. Полковник русской службы, выйдя в отставку более чем за десять лет до описываемых событий, отправился за океан, где одно время служил командиром отряда волонтеров у Мексиканского императора Максимилиана⁵, а позже перешел в Египетскую армию и был известен там под именем «Беккер-бей». Газеты называли его «хладнокровным и искусным начальником»⁶, но, в общем, это был классический тип авантюриста, памятника и искалья приключений.

Позже его сменил на этом посту отставной полковник генерального Штаба Виссарион Виссарионович Комаров (1838–1907). Окончив Академию Генштаба в 1861 г., Комаров в 1863–1864 гг. состоял при Виленском генерал-губернаторе Муравьеве⁷ и его преемнике Кауфмане, в 1870 г. был начальником штаба 37-ой пехотной дивизии, а в 1871 г. вышел в отставку и издавал вместе с Черняевым и Р. Фадеевским газету «Русский Мир». Он уехал в Сербию вслед за

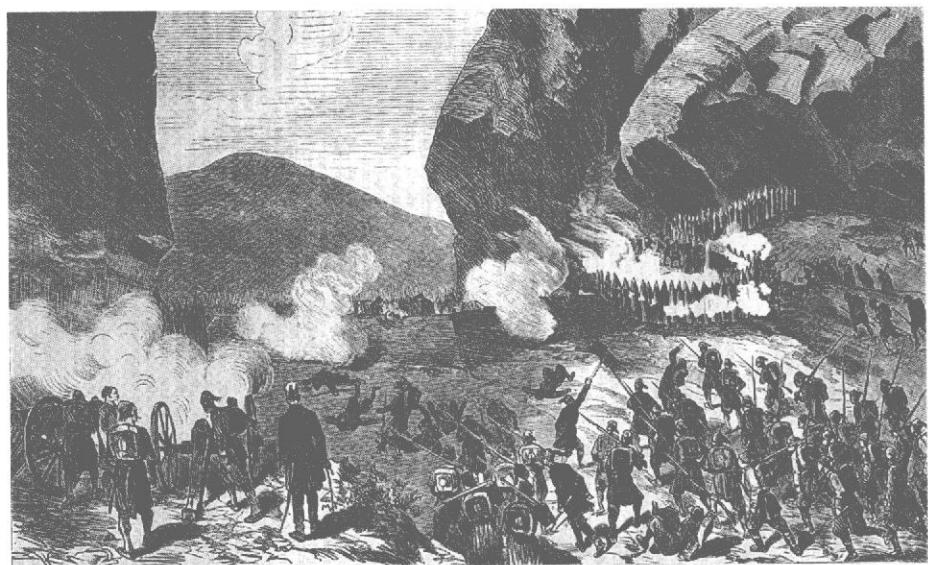
Черняевым и стал начальником его штаба, а помощником начальника штаба был полковник Монтеверде. Оба оказались тоже не самыми лучшими кандидатурами, и на протяжении всей войны штаб Черняева вызывал много нареканий. Позже за победу при Шуматовце Комаров получил от князя Милана чин сербского генерала.

С первых дней своего пребывания в Сербии Черняев призывал приезжать к нему добровольцев, и особенно офицеров, чтобы укрепить сербские войска опытными кадрами. Призыв был услышан, однако в первые два месяца войны присехать успели немногие. Одним из первых был уже упоминавшийся выше майор Николай Алексеевич Киреев, младший брат Александра Алексеевича Киреева, одного из ведущих идеологов и теоретиков славянофильства. Киреевы были в Петербурге известной аристократической семьей. Николай Киреев окончил Пажеский корпус, поступил в Лейб-гвардии Конный полк и вышел затем в отставку штабс-ротмистром, что соответствовало армейскому чину майора. Но главным делом, которому посвятил свою жизнь, стала деятельность в Петербургском Славянском комитете, где он занял должность секретаря. При этом в семье Киреевых произошло своеобразное разделение труда: теоретическое обоснование славянофильских идей и публицистическую деятельность Николай Киреев целиком представил своему старшему брату, а сам занялся исключительно практическим претворением этих идей в жизнь.

Когда в 1875 г. разразился кризис в Боснии и Герцеговине, а затем в апреле 1876 г. восстала Болгария, Киреев в качестве эmissара комитета выехал в Европу, пытался организовать политические демарши европейских государств в поддержку восставших болгар, закупал для них оружие, хотел даже ехать сражаться в Болгарию. Когда стало известно, что назревает война Сербии с Турцией, он немедленно отправился в сербский город Кладово, куда прибыл еще до начала войны, и где Черняев поручил ему организацию болгарских добровольческих отрядов. Кирееву был присвоен чин майора сербской армии и звание «заповедника добровольных чет». Вскоре его отряд прославился удачными набегами, и в предстоящем деле Черняев предполагал поставить перед ним особую задачу.

16 (4) июля генерал Черняев лично прибыл во Вратарницу с двумя Валевскими бригадами и 3-мя батареями. Здесь он соединился с подполковником Костой Бучевичем, подошедшим из Алексинаца с 3-мя батальонами Крушевачкой бригады, одной батареей и одной пионерской четой. Осман-паша, укрепившийся в сербском городке Великий Извор на крутом горе, возвышавшейся над долиной реки Тимок у самой турецкой границы, имел 16 батальонов низама, 3 батареи (18 орудий) и 3 эскадрона; кроме того, у Кулы стояли 4 батальона с батареей; небольшие отряды находились также у Косова и Раковиц. Всего турки имели около 20000 человек, тогда как у Черняева во всех отрядах набиралось до 47 тысяч.

Позиции Осман-паша были сильно укреплены. Он распределил войска следующим образом: 3 батальона и 4 орудия стояли на западном крыле против Зайчара, а 9 батальонов, 3 эскадрона и 14 орудий —

Сражение при Янковой Клисуре. Гравюра Шпарова

на линии Пландиште — Широка, имея у Широка сильный редут. У села Бачиште, северо-восточнее Великого Извора, находился главный лагерь — штаб Осман-паша и резерв силой в 4 батальона. Такое эластичное распределение сил позволяло Осман-паше быстро реагировать на меняющуюся обстановку.

Черняев располагал более чем двукратным перевесом сил (2,35:1 по пехоте и 2,5:1 в артиллерии) и решил немедленно использовать это преимущество. Поэтому на военном совете в сербском штабе во Вратарнице в ночь с 16 на 17 (с 4 на 5) июля было решено атаковать позиции турок двумя колоннами на следующий день.

Правую колонну составляли моравские войска под командой подполковника Кости Бучевича (12,5 батальонов и 18 орудий). Они должны были наступать от Затвореницкого хребта, точнее, от вершины Вршка Чука на Кулу, отрезая Осману пути отхода, а затем выйти к берегу реки Тимок и тем замкнуть кольцо окружения. С этой колонной шел и Черняев.

Левую колонну составили засчарские войска подполковника Милойко Лешанина (всего 28,5 батальонов, 3 эскадрона и 34 орудия). Они выделяли для фронтальной атаки 11 батальонов, 3 эскадрона и 12 орудий, которые должны были наступать через Тимок на фронте от Грляна до Пландиште; при этом 17 батальонов и 22 орудия оставались в тылу в Заечаре.

В ночь на 18 (6) июня Черняев с колонной Бучевича выступил из лагеря и в 6 часов утра вышел на гору Вршка Чука, с которой открывался вид на турецкие позиции. Осмотрев их внимательно, он понял, что

при составлении плана допустил ошибку: удар на Кулу уводил почти половину его войск далеко в сторону от основных позиций турок. Черняев немедленно решил изменить направление атаки и наступать через хребты Бачиште, Рунтову Могилу и Райков Суват на левый фланг турецких позиций. Это решение было совершенно правильным, но в результате атака его колонны началась раньше запланированного часа и не удалось добиться одновременного удара с фронтальной колонной. Это обстоятельство, как увидим далее, сыграло самую роковую роль.

Первые выстрелы прогремели в 9 часов 30 минут утра. Валевская бригада 1-го класса сформировала первую линию и заняла Бачиште, вытеснив оттуда турецкие передовые посты. Правее её разворачивалась Валевская бригада 2-го класса, она была нацелена на Рунтову Могилу в обход турецкого левого крыла. Сербская артиллерия энергично поддерживала свою наступающую пехоту. Воодушевленная первыми успехами и понеся лишь незначительные потери, колонна Бучевича к 10 часам утра овладела всеми господствующими высотами от Бачиште до Райкового Сувата, выйдя во фланг левого крыла турок. Турецкие войска отошли на главную линию обороны на Пландиште.

Между тем Засчарская колонна Лешанина также перешла в наступление. Чернореченская бригада наступала через Велико Ступан и Кривулянские виноградники прямо на Великий Извор, тогда как правое крыло этих войск (Баничевская и Белградская бригады) двигалось от Грляна через села Прлипа и Дубский Дол. Эти войска дошли

⁴ Как известно, лошади в кавалерийской части должны пройти не только индивидуальную подготовку (приучиться не бояться выстрелов и т. д.), но и быть съезженными друг с другом в составе целого эскадрона и полка. Это долгая и кропотливая работа, на которую в эскадронах «народного войска» не было ни времени, ни возможностей.

⁵ Австрийский эрцгерцог Максимилиан Габсбург, младший брат императора Франца-Иосифа, в 1864 г., поддавшись уговорам императора Наполеона III, отправился в Мексику, оккупированную на тот момент французскими войсками, где и был провозглашен императором. Не играя самостоятельной роли, Максимилиан служил, по существу, ширмой для французского командования, хотя ему и удалось собрать небольшую императорскую армию, в которой заметное значение имели австрийский и белгийский легионы, составленные из европейских волонтеров и искателей приключений, подобных Беккеру. Но французам и имперцам пришлось столкнуться с яростным сопротивлением мексиканских республиканцев, перешедших к партизанской войне. В 1867 г. после того, как осложнения в Европе заставили Наполеона III эвакуироваться из страны французские войска, император Максимилиан попытался самостоятельно отстоять свою корону, но был взят в плен республиканцами при Керегаро и 19 июня 1867 г. расстрелян.

⁶ Нива № 33 за 1876 год.

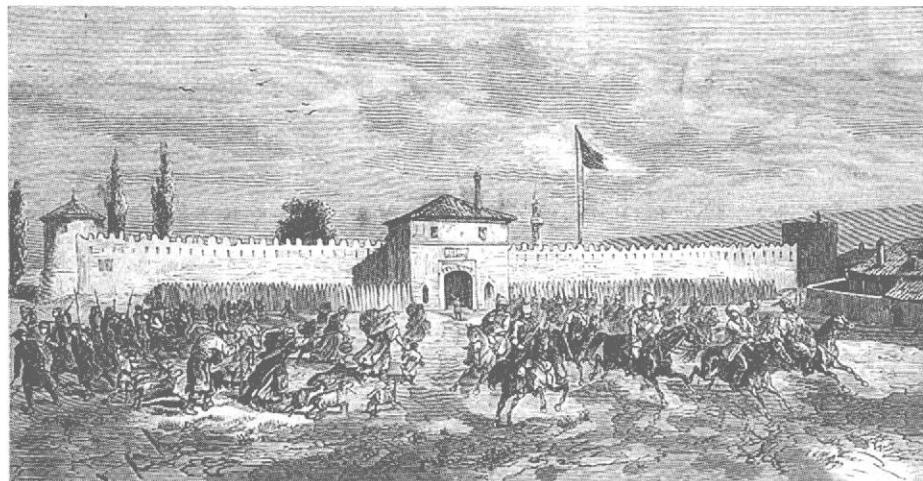
⁷ Имеется в виду Муравьев-«вешатель», который однажды на вопрос журналиста, не является ли он родственником повешенного дескабриста Муравьева, ответил: «Я не из тех Муравьевых, которых вешают, а из тех, которые вешают». Однако быстрое и относительно безболезненное замирение Литвы в 1863 г. можно скорее поставить Муравьеву в заслугу.

Н. А. Киреев

до главной позиции турок, где и были остановлены ожесточенным артиллерийским огнем. Около 11 часов 30 минут утра ситуация складывалась благоприятно для сербов: их войска полукругом охватывали турецкие позиции у Пландиште. Полевые батареи сербов заняли сильные позиции и вели непрерывный огонь гранатами. Но, когда Валевская бригада 1-го класса двинулась долиной Стаменов Дол на главный турецкий редут у Пландиште, был убит ее командир майор Никола Пётрович. Стрелковая цепь заколебалась. Турки перешли в контратаку и потеснили бригаду. Тогда Бучевич подкрепил свое левое крыло Крушевецким батальоном из резерва. С ним прибыл командир Крушевецкой бригады капитан Павле Найданович, который и принял команду над всеми частями, включая Валевскую бригаду и собственный батальон. Найданович отбил атаку турок и вновь перешел в наступление. Тем временем Валевская бригада 2-го класса, усиленная пионерами, сражавшимися в качестве пехоты, и 3-ми Трстенскими чётами,бросила турок с Райкового Сувата и отрезала им путь к отступлению на Кулу и Видин.

Однако Осман-паша и не думал отступать. Видя, какая опасность грозит ему с этой стороны, он сконцентрировал огонь всей своей артиллерии на Валевской бригаде 2-го класса и контратаковал ее. Чтобы избежать флангового удара, Бучевичу пришлось отвести правое крыло несколько назад. На Райковом Сувате разгорелась упорная борьба, долгое время ни та, ни другая сторона не могли достичь успеха. Чаши весов колебались.

Тем временем колонна Лешанина левым крылом (Чернореченская бригада) прорвала к западной окраине Великого Извора, а правым крылом (Браницкая бригада 1-го класса и Белградская бригада 2-го класса) заняла первую линию турецких окопов. Около половины второго дня казалось, что сербы уже одержали победу. Но части колонны Лешанина смешались и большинство офицеров утратило управление ими, а сербская артиллерия именно в этот момент прекратила огонь, боясь попасть в своих. Тогда Осман-паша собрал весь резерв и контратаковал расстроенные сербские части. Лешанин не имел уже резервов, хуже того, он не имел и возможности держаться с теми частями, которые у него были. Его войска начали стихийно отходить. Турки энергично преследовали, и в результате отступление быстро превратилось в беспорядочное бегство. Сербская пехота бежала в такой панике, что остановилась лишь у Гряля на другом берегу Тимока. Артиллерию, отходившую с пехотой, удалось спасти, кроме двух зарядных ящиков Белградской горной батареи, которые свалились в глубокий овраг. Бегство Заечарской колонны поколебало и левое крыло колонны Бучевича, оно также начало отступать. Тогда капитан Найданович со своим адъютантом бросились по цепи. Вначале они призывали солдат опомниться, затем стали уже бить поддавшихся панике людей саблями и револьверами, наконец Найданович пригрозил пристрелить несколько человек на месте, а возможно, и привел свою угрозу в исполнение. С большим трудом ему удалось восстановить порядок и вновь повернуть цепи на неприятеля.

Бучевич еще не знал об отступлении войск Лешанина. Правое крыло колонны под его личным командованием продолжало упорные атаки и вновь на время перерезало туркам дорогу на Кулу. Осман-паша немедленно перебросил сюда с западного сектора позиции почти все свои войска и раз за разом наращивал удары. Сербы яростно оборонялись. В 14.30 турки всеми силами атаковали между Бачиште и Райковым Суватом, направляя главный удар на Рунтову Могилу. Тогда Черняев послал Бучевичу все оставшиеся у него резервы с приказом стоять до конца. Около трех часов дня у сербской пехоты закончились патроны, и она начала отходить. Турки «на её плечах» добрались до артиллерийских позиций и захватили 4 орудия. После этого Черняеву пришлось признать свое поражение, сербы отступили.

Воевода Живоин Мишић, прославленный сербский полководец I Мировой войны. Молодым наследником в 1876 г. принял первый бой у деревни Раковицы в качестве ординарца майора Киреева. (фото I Мировой войны)

Если рассматривать это сражение с тактической точки зрения, то нельзя не отдать должное турецкой стороне, причем здесь явно бросается в глаза «полководческий почерк» будущего защитника Плевны. Сильная система укреплений, господствующая на местности, в сочетании с маневром резервами, концентрация всех войск на угрожаемом участке за счет смелого оголения пассивных направлений — вот что принесло Осман-паше победу как у Великого Извора, так и под Плевной. К сожалению, несогласованность в действиях атакующих колонн привела к тому, что сербская армия упустила реальный шанс добиться здесь настоящей, впечатляющей победы.

Сражении при Великом Изворе сербы потеряли убитыми двух командиров бригад (майора Николу Пётровича и капитана Яромира Шандора) и четырех командиров батальонов. Из рядового состава было убито 423, ранено 786 и пропало без вести 449 человек. Потери турок остались неизвестны.

Смерть майора Киреева

Одновременно с битвой у Великого Извора произошел еще один бой, который до некоторой степени можно рассматривать как часть этого сражения. Уже говорилось, что Черняев, планируя операцию, поставил перед отрядом Киреева, охранявшим правый фланг его группировки, особую задачу: совершив глубокий обход турецких позиций и атаковать их коммуникации уже на болгарской территории, у села Раковицы. К тому моменту отряд базировался в селе Новый Коринт и был недавно пополнен пятью сербскими батальонами и одной батареей.

Выступая в поход, Киреев взял с собой три сербских батальона 1-го класса и горную батарею поручика Михаила Нешича, а два батальона 2-го класса и большинство болгарских добровольцев оставил в лагере. Отряд скрытно двигался всю ночь, во главе ехал верхом Киреев со штабом из двух молодых наследников⁸, конноха и трубача. Утром 6 июля 1876 г. отряд достиг села Влад-

Турецкая крепость Ак-Паланка.
Гравюра А. Даугеля

ховича. На другом берегу ручья у деревни Раковицы располагались вражеские позиции. И в этот момент со стороны Великого Извора грянула артиллерийская канонада. Киреев, заслышав пушечную пальбу, решил атаковать немедленно.

На правом фланге отряда Киреева развернулся батальон поручика Косте Булаича, на левом — батальон капитана Саввы Петковича, в резерве остался батальон капитана Илие Цветковича. Киреев договарился с Цветковичем об условных сигналах трубою, по которым его батальон должен был быстро занять место в боевом строю. Сербская батарея заняла позицию на левом крыле боевых порядков и открыла огонь по турецкому редуту на северо-западной окраине Раковиц. Под прикрытием ее огня пехота рассыпалась в цепи и двинулась вперед по полю, почти по пояс в наливавшихся колосьях пшеницы. Киреев со своим штабом шел в цепях. Турецкий редут молчал, но когда сербы подошли ближе, с него внезапно грянул мощный ружейный залп. Подавляющее большинство воинников впервые услышали журжжение пули над головою. Реакция была мгновенной: вся цепь как шла, так и рухнула в пшеницу, открыв беспорядочный ответный огонь из винтовок «шаспо»⁹. И лишь один человек на всем поле остался стоять — майор Киреев. В кумачовой рубахе, с непокрытой головой, он спокойно прогуливался во весь рост по цепям, громким голосом ободряя оробевших воинников.

Наконец после нескольких удачно пущенных снарядов гарнизон турецкого редута бросил свое укрепление и бежал в село. Ободрившись, сербская пехота поднялась и вновь пошла вперед. Примерно после часа борьбы правофланговый батальон поручика Булаича занял окраину Раковиц. Турки уже начали отступать, и для развития успеха необходимо было как можно скорее вводить в бой свежие силы. Киреев приказал трубить условный сигнал: «резерву подкрепить правое крыло». Но усилия трубача были тщетны, никто не появлялся. Разъяренный Киреев отправил в тыл одного из своих ординарцев с запиской: «Уполномочиваю поднаредника Н. привести батальон из резерва и убить его командира, где бы он его ни нашел»¹⁰. Однако капитан Илие Цветкович, проявив чрезмерную осторожность, а проще говоря, трусость, столь далеко и надежно укрыл свою часть, что поднаредник не смог отыскать ни батальон, ни его командира.

Турки успели уже оправиться и стали переходить в контратаки. Бой шел на улицах села. Кирееву доложили, что капитан Петкович тяжело ранен и унесен в тыл. Сербы начали подаваться назад. Киреев, пытаясь личным примером остановить молодых солдат, бросился в гущу боя, крича им по-сербски: «Напред, храбро братчо! Турцы отступай!»¹¹. И в этот момент одновременно несколько пуль, пущенных с высокого «чардака»¹² одного из домов села, пробили грудь русского офицера. Он упал замертво, успев лишь прошептать: «Держитесь, братчо...». Но не прошло и десяти минут с момента его смерти, как весь отряд, до того мужественно державшийся из последних сил, поддавшись внезапной панике, бросился врассыпную, оставил на поле боя и майора Киреева, и остальных погибших вой-

Сербские добровольцы. Рисунок из журнала «Нива». Гравюра Напира с рисунка Каразина. Так петербургские художники представляли себе сербских повстанцев в Боснии и Герцеговине

ников. Ординарец Киреева наредник Мишич пытался вынести тело своего начальника, но это ему не удалось, он смог лишь забрать с собою саблю майора и бумажник со 100 дукатами, которые на другой день и были пересланы генералу Черняеву¹³.

Расстроенный отряд без остановки бежал до деревни Коринт и лишь в лагере соединился с батальоном капитана Цветковича, проблуждавшим в течение боя неизвестно где. Именно капитан Цветкович по сути и являлся виновником неудачи и за свое позорное поведение вполне заслуживал расстрела. Но военная судьба, порой, удивительно причудлива: капитан Цветкович оказался самым старшим по званию из оставшихся в строю офицеров и принял временное командование отрядом. Он-то и послал Черняеву рапорт о прошедшем бое, в котором все реальные и выдуманные заслуги приписал только себ.

Сражение у Великого Извора было проиграно. Обстановка в штабе Черняева сложилась на тот момент так, что ни у кого не оказалось ни времени, ни возможности разбираться врят ли Цветкович, или пишет правду. А рапорт «бравый» капитан составил так удачно, что за этот бой получил вскоре серебряную медаль «За храбрость».

Имя Киреева не было забыто. В Болгарии после ее освобождения в 1878 г., когда

разросшееся село Раковицы официально разделили на две половины, его новую заречную часть назвали Киреево.

Подробности боя под Раковицами известны нам из воспоминаний Живоина Мишича, в то время молодого наредника, ставшего впоследствии прославленным сербским военачальником. 18 (6) июля 1876 г. Живоин Мишич, только что прибывший на поля сражений, исполнял обязанности ординарца при майоре Кирееве. Бой под Раковицами стал для него боевым крещением. А 38 лет спустя, в декабре 1914 г., генерал Мишич во главе 1-й сербской армии наголову разгромил в сражении на Сувоборском хребте австрийские войска генерал-фельдцейхмейстера Оскара Потиорека и полностью изгнал их остатки с территории Сербии, за что получил жезл «Воеводы»¹⁴. Уже на склоне лет, став национальным героям Сербии, Живоин Мишич с благоговением вспоминал своего первого команда, называя его в мемуарах «пламенным Русом и великим приятелем нашего народа». Именно у Киреева под Раковицами Мишич брал первый урок того, как настоящий офицер должен вести себя в бою. И, как видим, урок этот не прошел даром и привел к значительным изменениям в дальнейшей судьбе Сербии.

(Продолжение следует)

⁹Один из них, питомец старшего класса Военной академии Живоин Мишич, описал на склоне лет подробности этого боя в своих мемуарах.

¹⁰Эта деталь, упоминаемая в мемуарах Мишича, еще раз свидетельствует о разнотипности сербского вооружения. Французская винтовка «шаспо» не входила в число основных систем оружия сербской пехоты, но известно, что Славянские комитеты закупали их в Берлине из трофеев Франко-прусской войны. Часть партии не успели переправить в Сербию, и ими потом вооружили Болгарское ополчение в 1877 г. Эти винтовки вызвали у солдат многочисленные нарекания не столько потому, что «устарели» (в Сербии было много оружия куда более древних систем), сколько из-за того, что немцы за шесть лет хранения не удосужились привести их в порядок. В руки сербам и болгарам они попали в том же состоянии, в каком были подобранны на полях сражений под Мечем и Седаном.

¹¹Мишич, передавая эти подробности, оговаривается, что, к сожалению, забыл имя своего товарища. Что же касается содержания записки, то ее текст врезался в память еще и потому, что при написании пинопитром Кирееву служила спина самого Мишича. Поднаредник, по-видимому, младший унтер-офицер.

¹²Написание отдельных сербских фраз и названий русскими буквами встречается во многих воспоминаниях русских добровольцев. Я воспользовался таким приемом, желая донести до читателя звучание этих фраз, тем более, что это своеобразный русско-сербский жаргон, на котором русские офицеры объяснялись со своими сербскими подчиненными. В данном случае клич Киреева «Вперед, храбрые братья! Турки отступают!» вряд ли нуждается в особом переводе.

¹³В сербском и болгарском сельском доме «чардак» — это широкая крытая галерея, идущая вокруг верхнего (обычно второго) этажа дома.

¹⁴Тело Киреева осталось на территории, подконтрольной туркам, впоследствии его так и не удалось обнаружить.

¹⁵Чин «воеводы» в сербской армии приравнивался чину фельдмаршала и жаловался исключительно за выдающиеся победы.

Абдул-Керим

СЕРБО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА

1876 ГОДА

Турецкое наступление на Княжевец

А. А. Петров

чём отход сербов к Пандирало проходил в полном беспорядке. Едва заняв Пандиральскую позицию, Узунмиркович отправил 5 (17) июля Верховному командованию донесение, в котором, в частности, писал: «Части моей дивизии очень ослаблены и деморализованы... Я не нахожу у себя большие ни физических, ни духовных сил, и намереваюсь передать по болезни командование отрядом подполковнику Хорватовичу...».

Сулейман, ободрённый успехом, немедленно двинул следом за сербами. Утром 7 (19) июня в турецкий лагерь пришло известие о победе Осман-паши под Великим Извором, и на радостях, учитывая, что эта новость подорвёт и без того невысокий боевой дух сербов, Сулейман решил немедленно предпринять атаку сербских позиций у Пандирало. Для этого он разделил свои войска на две колонны: левая колонна, бригада Гафиз-паша, должна была предпринять демонстративную лобовую атаку на Пандирало, тогда как правая, включавшая две другие бригады дивизии под личным командованием Сулейман-паша, — нанести главный удар по левому флангу сербской позиции, на село Доброславица, стремясь одновременно отсечь пути отхода отряду капитана Сречковича, стоявшего на перевале Святого Николая. Оборонительные позиции у села Доброславица были заняты 7-ю сербскими батальонами под общим командованием командира Княжевецкой бригады 1-го класса майора Михаила Динича. Силы наступавших (8 батальонов) были лишь немного больше сил оборонявшихся. Несмотря на это, при первом же натиске сербские воиники бросили свои шанцы и отхлынули в полном беспорядке, грозя увлечь за собой и части, располагавшиеся перед Пандирало. Казалось, путь для турок уже открыт, но положение спасли сербские офицеры. Одни из них всеми силами старались остановить и повернуть бегущих солдат, другие, большая часть, невзирая на должности и чины, подобрав винтовки, ринулись вперёд, заняли брошенные окопы и встретили врага частым ружейным огнём. Передовая турецкая цепь от неожиданности смешалась и отхлынула. И, о чудо! Увидев пример офицеров, сербские солдаты в кои-то веки устыдились, вернулись назад и вовремя успели занять свои окопы. Удача ободрила их, атака была отбита, а за ней и пять последующих. Но турки проявили необычайное упорство: они окопались на достигнутых позициях, а с утра 8 (20) июля возобновили атаку. Положение сербов вновь стало угрожающим, но в этот момент от перевала Святого Николая появилась колонна капитана Сречковича, которая с ходу атаковала правый фланг турок, что и решило исход дела. Дивизия Сулеймана вынуждена была отойти к Бабиной Главе. В этом бою

сербы потеряли 2-х офицеров и 42 рядовых, ранено было 216 и пропали без вести 323 человека. Среди прочих при Пандирало отличился и унтер-офицер, служивший ординарцем при штабе Шумадийской дивизии, прапорщик Военной Академии Степа Степанович, который за храбрость был награждён Таковским крестом, а вскоре получил и офицерский чин. Это была первая награда молодого офицера, а 38 лет спустя, 12–24 августа 1914 г., в жестоких боях на горном хребте Цере 2-я Сербская армия генерала Степы Степановича наголову разгромила 5-ю Австро-Венгерскую армию, захватив до 50 орудий и 50 тысяч пленных. За этот подвиг Степа Степанович получил чин воеводы. Для него, как и для Милича и многих других будущих сербских военачальников, сражения лета 1876 г. стали боевым крещением.

Победа при Пандирало подняла боевой дух сербских войск и упрочила их положение, но никак не могла компенсировать неудачи у Великого Извора. На другой день после поражения Черняев собрал во Вратарнице военный совет, на котором было решено в предвидении наступления турок сосредоточить значительные силы в долине Моравы у Алексинаца и Делиграда. К Делиграду должен был отойти из-под Заечара сам Черняев, и туда же было решено оттянуть от Пандирало полковника Узунмиркова со штабом и большей частью Шумадийской дивизии. На позициях у Пандирало должен был остаться лишь подполковник Хорватович с двумя Княжевецкими бригадами (1-го и 2-го класса), а правее, у Громады, — Пожаревацкая бригада 1-го класса подполковника Лазаря Йовановича.

Противостояние на Громаде, Тресибабе и у Дервента

Между тем Абдул-Керим-паша, убедившись, что Болгария прочно покорена, покинул Софию и 10 (22) июля прибыл в Пирот, а на другой день — в Ниш. К этому моменту в его распоряжении находились следующие войска:

у Великого Извора — корпус Осман-паши (его собственная дивизия и дивизия Фазлипаша, ожидающая в самое близкое время из Никополя); всего 37 батальонов, 7 батарей и 2 кавалерийских полка; на Бабиной Главе — дивизия Сулейман-паша; 12 батальонов, 3 батареи и 1 кавалерийский полк; в Нише — корпус муштира Ахмед-Эюб-паша (дивизии Гуссейн-Гамид-паша и Гуссейн-Сабри-паша, а также дивизия Мехмед-паша, которая предназначалась в качестве гарнизона крепости Ниш); всего 43 батальона, 12 батарей, 4 кавалерийских полка и около 4000 башибузуков; у Прокупле и на Топлице — дивизия Али-

М. И. Черняев

На этой фотографии он изображён в мундире сербского генерала с орденом «Такова»

Саиб-паша, сформированная в Старой Сербии; 16 батальонов, 3 батареи, 1 конный полк и около 2000 башибузуков.

Сил было достаточно, и на ближайшем военном совете приняли план концентрического наступления на Княжевац двумя колоннами: от Ниша и Бабиной Главы.

Для этого предполагалось:

1. Главным силам корпуса Ахмед-Эюб-паша (дивизиям Гуссейн-Гамид-паша и Гуссейн-Сабри-паша) на рассвете 17 (29) июля выступить из Ниша через Громаду на Дервент.
2. Одновременно с ними дивизии Сулейман-паша занять Пандирало и выступить к Дервенту, где и соединиться с главными силами.
3. Объединённому корпусу под общим командованием Ахмед-Эюб-паша наступать на Княжевац и овладеть этим городом не позднее 19 (31) июля.
4. Дивизии Али-Саиб-паша немедленно выдвинуться от Прокупле к Нишу и приготовиться к наступлению на Алексинац.

Абдул-Керим-паша предполагал после захвата Княжевца подтянуть к себе от Заечара корпус Осман-паша и объединёнными силами двигаться на Делиград, чтобы атаковать с тыла Моравскую армию, сосредоточенную у Алексинаца.

Тем временем, 16 (28) июля, когда турки завершили уже концентрацию своих войск, в Делиграде собрался военный совет под председательством князя Милана. Сербское командование обладало достаточно точными сведениями о силах и расположении турок и понимало всю сложность своего положения. Поэтому было принято единственно правильное решение перейти к обороне на всём протяжении границ княжества, обратив особое внимание на долину Моравы у Алексинаца. В соответствии с этим полковник Лешанин с Тимокской армией должен был оборонять долину Тимока от

Сербы захватывают турецкое орудие. Рисунок из журнала «Нива». Художники иллюстрированных газет далеко не всегда были свидетелями изображаемых событий. Так и этот триумф сербского оружия, скорее всего, выдуман, чтобы поддержать «патриотическое настроение» читающейся русской публики

Османа-паши, а Моравская армия под командованием полковника Кости Протича защищать границы от Громады до Янковой Клиссуры.

Формально эти войска были объединены в Восточный фронт, командующим которым считался Черняев, однако на деле он командовал лишь Моравской армией, а координацию усилий Тимокской и Моравской армий брали на себя непосредственно сербское Верховное командование в лице князя Милана и его начальника штаба полковника Любомира Йовановича. Похоже, что после Великого Извора Черняев впал в немилость. В ближайшей операции Верховное командование постоянно отдавало приказы через его голову, причём в высшей степени непрофессионально. В результате Тимокские войска под командованием Лешанина, которого Михаил Григорьевич не без основания считал главным виновником недавнего поражения, действовали самостоятельно, не сообразясь с его планами. Сместить и назначить более достойного он не имел права. Несомненно, Черняев был обижен таким поворотом событий, и от этого разнобоя в первую очередь страдало, разумеется, дело.

Намеченный удар турок должен был прийтись в стык позиций Моравской и Тимокской армий, поскольку бригада Лазаря Йовановича, занимавшая позиции на Громаде, принадлежала к Моравским войскам, тогда как Княжевачкий отряд Хорватовича, защищавший Пандирало, согласно новому распределению сил входил уже в состав Тимокских войск Милойко Лешанина, причём для Тимокской армии Княжевац являлся вспомогательным направлением. В этой связи резко повысилась роль взаимодействия двух сербских армий, а именно оно было далеко не на высоте.

В тот самый день, когда в Делиграде проходил военный совет, подполковник Хорватович получил от местных жителей известие: на завтра намечается генеральное наступление турок на Громаду Пандирало. Хорватович сразу понял, что слабый отряд Йовановича на Громаде не сможет сдержать такого удара, и послал ему в подкрепление

2 батальона и 2 взвода полевых орудий; одновременно он сообщил о полученных сведениях Черняеву в Алексинац. Однако тот отнёсся к ним недоверчиво, т. к. был сторонником сосредоточения всех сил под Алексинацем и рассматривал действия турок в других местах как заведомые демонстрации, призванные отвлечь как можно больше войск с направления главного удара.

Но на другой день, 17 (29) июня, эти сведения подтвердились. В 3 часа утра разведчики сербов заметили, как из Ниша вышла огромная турецкая колонна и двинулась в сторону Громады. Это были две из трёх дивизий корпуса Эюб-паша (дивизия Мехмед-паша осталась гарнизоном в Нише); 28 батальонов, 12 эскадронов, 6 батарей и 2000 башибузуков. Одновременно, в 5 часов утра, дивизия Сулеймана вновь атаковала Пандирало. Но по турецкому плану её задачей было лишь отвлекать внимание Хорватовича, так что после двухчасовой перестрелки она отошла обратно на Бабину Главу. Главный же удар наносился по Громаде. Корпусу Эюба требовалось время, чтобы добраться туда; и атака турок началась около полудня. Отряд подполковника Йовановича (5 батальонов с артиллерией) занимал позицию по линии Малая Громада — Дебели, имея центр на Великой Громаде, где был построен мощный редут. Первая фронтальная атака турок успеха не имела. Тогда они перенесли свой удар на Дебели, которые защищали всего три чети (роты). Йованович немедленно подкрепил эту позицию ещё 7-ю четами. В ответ турки, не прекращая атак по фронту, направили мощную колонну в обход сербского правого крыла, намереваясь отрезать отряд Йовановича от остальных войск Моравской армии. Как только Йованович увидел угрозу пути его отхода на город Дервент (Сверлиг), то, не тратя больше сил на защиту Громады, без спешки оттянул свои части к Дервенту, перед которым и занял новые позиции. Соответственно и Хорватович ночью отвёл свой отряд от Пандирало на Тийовацкое поле, чтобы находиться все время на одной линии с Йовановичем. Сулейман прозевал

Подполковник Джуро Хорватович,
герой обороны Княжевца

отход сербов и продолжал оставаться на Бабиной Главе, утеряв на время непосредственный контакт с противником. Всего в этот день отряд Йовановича потерял 20 человек убитыми, 105 ранеными и 20 пропавшими без вести. Потери турок неизвестны.

На следующий день, 18 (30) июля, в 8 часов утра, корпус Эюба подошёл к Дервенту и начал атаку новых сербских позиций. Наченный горьким опытом прошлого дня, Эюб-паша на этот раз ограничился с фронта лишь демонстрацией и сильным артиллерийским огнём и сразу направил по горам в обход обоих флангов сербов две колонны. После полудня одна из них заняла село Плунины и стала угрожать тылу Дервентской позиции. Йованович вынужден был оставить Дервент и позиции на левом берегу реки Сверлигский Тимок и отступить на горный массив Тресебаба. Вечером сюда же отошёл и отряд Хорватовича; войска сербов соединились, и командование над общим отрядом принял подполковник Хорватович.

Турецкий главнокомандующий Абдул-Керим-паша, следивший за развитием со-

бытий из Ниша, был недоволен медленными темпами наступления, резонно усматривая одну из причин в задержке дивизии Сулеймана на Бабиной Главе. Ему был направлен строгий приказ подтянуться и с утра 19 (31) июля совместно с корпусом Эюба атаковать Тресебабу, чтобы вечером того же дня войти в Княжевец. Однако Сулейман физически не мог выполнить этот приказ, поскольку до Тресебабы предстояло сделать по горам около двух переходов.

Утром 19 (31) июля Эюб-паша, перейдя Сверлигский Тимок, разделил свой корпус на две колонны. Для охраны флангов использовались отряды башибузуков, которые на своем пути грабили и поджигали сербские села. Это была акция устрашения в турецком духе. Действительно, мирные жители поголовно бежали со своим скарбом при приближении турок, бросая дома и несжатые нивы. Но такие действия дали и другой эффект: солдаты Княжевецких бригад из отряда Хорватовича, будучи жителями именно этих мест и видя полное разорение родных сёл, наконец преисполнились ярости и желания отомстить захватчикам. Боевой дух отряда поднялся, и сопротивление сербов в последующие дни резко возросло.

Хорватович расположил свои силы на отрогах горного хребта следующим образом: на правом крыле перед Мильковацем и в центре заняли позиции 6 Княжевецких батальонов и отряд добровольцев под общим командованием капитана Гругра Франича; на левом крыле, перед селом Мучибаба, развернулись 5 Пожаревацких батальонов с 4-мя лёгкими и 2-мя тяжёлыми орудиями под командованием подполковника Лазаря Йовановича; в резерве, на вершине Тресебабы, расположились 2 Княжевецких батальона с 6-ю тяжёлыми и 2-мя лёгкими орудиями под командованием самого Хорватовича.

Турки нанесли вначале сильный удар по центру сербской позиции, но после часа ожесточённой безуспешной борьбы перенесли направление атаки на правое крыло. Хорватович в ответ двинул туда из резерва оба Княжевецких батальона, а на их место перевёл два Пожаревацких батальона с левого фланга, который пока не был атакован. Но турки наращивали силы, и к 11 часам утра Хорватовичу пришлось отправить на правый фланг последние два тяжёлых орудия. Больше резервов у него не было. Тем временем взоры турецкого командования,

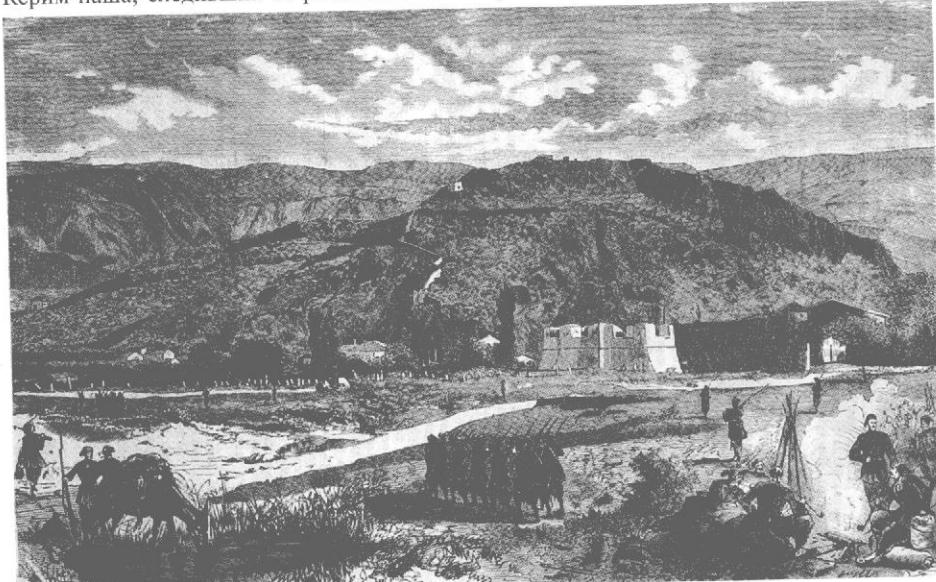
естественно, обратились на левый уже ослабленный фланг сербов. В 2 часа мощные турецкие колонны двинулись в атаку на него, одновременно обозначился и обход этого фланга. Превосходящие турецкие батареи открыли ураганный огонь по артиллерии сербов и в 3 часа вынудили её сняться с позиций. За орудиями подалась назад и сербская пехота, отход которой принял вскоре беспорядочный характер. Она увлекла за собою и части с неатакованных участков. Хорватович вынужден был отдать приказ об отступлении с Тресебабы. В сумерках его отряд отошёл на последний рубеж на высотах перед Княжевцем. На Тресебабе сербы потеряли 124 человека убитыми и 376 ранеными.

Дивизия Сулеймана опоздала к этому сражению, она присоединилась к корпусу Эюба лишь в 5 часов вечера на уже захваченной Тресебабе. Это обстоятельство и общее расстройство войск после трёх дней упорных боёв заставили Ахмед-Эюб-пашу отложить на сутки атаку Княжевца и посвятить день 20 июля (1 августа) подтягиванию отставших сил и их перегруппировке.

Оборона Княжевца

Ещё в первый день боёв, 16 (28) июля, Хорватович известил Черняева и своего непосредственного начальника полковника Лешанина о наступлении турок. Он просил прислать как можно скорее помочь. В тот же день Лешанин направил в Княжевец Браничевскую бригаду капитана Александра Протича, полевую полубатарею и кавалерийский эскадрон. Одновременно Верховное командование в лице князя Милана и его начальника штаба Любомира Йовановича приказало Черняеву двинуть из Алексинаца во фланг наступающим туркам колонну в 10 батальонов пехоты с соответствующей артиллерией. Но Черняев, будучи решительным противником отвлечения сил от Алексинацкого направления, предложил вместо этого произвести энергичную демонстрацию в сторону Ниша, считая, что это сразу отвлечёт внимание турок от Княжевца. Для этого он отправил 17 (29) июля отряды майора Йоцо Поповича и капитана Пайо Джорджевича к Катуну, чтобы совершить ночное нападение на Ниш; однако это предприятие закончилось безрезультатно. Тогда Черняев решил повторить атаку более крупными силами: 21 июля (2 августа) колонне полковника Милутина Йовановича было приказано двинуться от Суповаца на Мрамор и создать угрозу коммуникациям Ниша. Но эта попытка оказалась настолько робкой и нерешительной, что совершенено не достигла своей цели. И только тогда Черняев, скрепя сердце, наконец согласился лично с отрядом в 7000 человек пехоты, с 4-мя тяжёлыми батареями и 3-мя эскадронами конницы выступить в сторону Громады.

Хорватович после прибытия Браничевской бригады имел под Княжевцем 4 пехотные бригады (Княжевецкие 1-го и 2-го класса, Пожаревацкую 1-го класса и Браничевскую), 2,5 тяжёлые и 2 лёгкие батареи и эскадрон конницы. Он расположил эти войска по дуге на линии Евик — Главица — Ластавицкое поле следующим образом: на левом фланге — Браничевская бригада с полубатареей и эскадроном под общим ко-

Турецкое укрепление Спун.
Рисунок по гравюре Самарского

мандованием капитана Александра Проти-
ча; обороняла долину Торговицкого Тимока;
в центре — Пожаревацкая бригада 1-го
класса Лазаря Йовановича с лёгкой батаре-
ей; опираясь на высоту Главица, она защи-
щала пути от Тресибабы к Княжевцу;
на правом фланге — Княжевашская бригада
2-го класса с одной полевой и двумя лёгкими
батареями; прикрывала долину Сверлиг-
ского Тимока на Ластавицком поле и пути к
горному проходу у Соко-Бани;
в резерве — Княжевашская бригада 1-го
класса.

Турки начали свое наступление в 3 часа дня 21 июля (2 августа) тремя колоннами. Главная колонна в составе двух дивизий под личным командованием Эюб-паши

двигалась от Тресибабы к Княжевцу. Правая колонна — дивизия Сулеймана — шла через Грнчару на Липовицу и Евик. Левая колонна — бригада Гафиз-паши, выделенная из дивизии Сулеймана, направлялась на село Ргопите долиной реки Орешка. Эюб-паша собирался, пользуясь своим превосходством в силах, нанести удар одновременно по всему фронту, обойти оба фланга сербов и прорвать их оборону в центре. Реально это, разумеется, привело лишь к разбросу турецких войск. Первой достигла сербских позиций левофланговая колонна, но Княжевецкая бригада легко отбросила её. Тем временем сражение разгорелось и в центре, однако и здесь турки успеха не имели. Тогда Эюб-паша решил предпринять ди-

версию в направлении села Василье. В слу-
чае занятия этого села создавалась реальная
угроза путем отступления Княжевецкого
отряда на Соко-Баню. Хорватович, узнав об
этом, был очень обеспокоен и даже подгото-
вил приказ об общем отходе с наступлени-
ем сумерек, однако получил известие, что
Княжевецкая бригада 2-го класса не только
удержала свои позиции, но перешла в кон-
трапаку и гонит турок к Тресебабе. Тогда он
отменил прежнее решение и выдвинул из
резерва два батальона к селу Василье, чем
парировал турецкую угрозу. На этом завер-
шился первый день сражения.

22 июля (3 августа) в 10 часов утра атаки турок возобновились по всему фронту. Около 2-х часов наступила критическая

Сербские патрули вступают в Княжевак, сожжённый турками перед отступлением

ситуация на позициях Пожаревацкой бригады. Уставшие батальоны бригады тонкой цепочкой прикрывали слишком растянутую для них позицию, и в результате туркам удалось после ожесточённого боя занять передовые окопы на Главичице. Сербский центр прогнулся, но в этот момент подоспела свежая Крагуевацкая бригада 1-го класса, посланная Верховным командованием из Сокобани. Хорватович немедленно двинул её в дело и сумел восстановить положение. Тем временем ситуация на левом сербском крыле, где на Браницевскую бригаду обрушились 12 батальонов Сuleймана, постепенно ухудшалась. Сербы здесь начали также поддаваться назад, и Хорватович направил на помощь Гурджанский батальон. Атака была отражена, но в 6 часов вечера турки ввели в дело еще 4 свежих батальона, которые охватили левый фланг Браницевской бригады. Капитан Александр Протич известил Хорватовича о невозможности держаться далее на позиции и начал отход к Княжеваку. Последний всё же был уверен в обратном и отстранил Протича от командования, передав руководство командиру Крагуевацкой бригады майору Анастасу Яковлевичу. Тот получил из резерва ещё один батальон, Лепеницкий, и категорический приказ вернуть село Евик и держаться в нём во что бы то ни стало. Совместными усилиями уже в сумерках Евик был возвращён.

Однако Хорватович понимал, что столь малыми силами не может больше оборонять Княжевак против всей турецкой армии, о чём сообщил вечером по телеграфу Верховному сербскому командованию и полковнику Лешанину. В ответ получил обещание, что из Заечара ему будут посланы ещё 3 батальона, тяжёлая и половина горной батареи, и, кроме того, передали, что вечером предыдущего дня от Алексинаца через монастырь Святого Архангела к Тресибабе двинулась колонна из 8-ми батальонов, 4-х батарей и 3-х эскадронов под личным командованием Черняева, и утром следующего дня она нанесёт удар во фланг и тыл турецких войск, атакующих Княжевак. Это известие ободрило Хорватовича

настолько, что тот решил на другой день, 23 июля (4 августа), произвести атаку по всей линии. Как потом выяснилось, эта атака, плохо рассчитанная и плохо организованная, и стала для Княжевака роковой. Она началась утром, и успехов, в основном, удалось достичь Пожаревацкой бригаде, которая оттеснила турок от Главичицы до Сувога. Но здесь бригада столкнулась с превосходящими силами врага и была в беспорядке отброшена на Главичицу. Турки энергично преследовали её и на плечах отступающих ворвались на сербские позиции. В 9 часов турецкие войска заняли высоту Главичица; фронт сербов был прорван. Ещё в течение двух часов Хорватович с последним батальоном из резерва пытался отбить гору, но, осознав тщетность своих усилий, в 11 часов вечера отдал приказ об общем отступлении. Княжевак был оставлен, турки не преследовали. Обещанной атаки со стороны колонны Черняева так и не последовало.

Многие сербы считали, что битва приняла бы совершенно иной оборот, если бы Черняев со своей колонной своевременно пришёл на помощь Княжеваку. Согласно распоряжению Верховного командования он выступил из Алексинаца в 6 часов вечера 22 июля (3 августа) во главе колонны в 7000 человек с артиллерией, чтобы через село Станцы, монастырь Святого Архангела и Дервент выйти на Тресибабу и атаковать с тыла турецкие войска. После трёх часов усиленного марша отряд тёмной ночью подошёл к Станцам. Здесь Черняев дал ему отдохнуть. Телеграфное сообщение о намерении Хорватовича перейти утром в наступление, по-видимому, до Черняева не дошло. Так или иначе, отряд поднялся с привала в 7 часов утра и двинулся к монастырю Святого Архангела, до которого и добрался к 11 часам. Здесь колонна снова остановилась и простояла без движения до 5 часов вечера; был роздан фурраж для коней и ракия (сливовая водка, национальный напиток сербов и болгар) людям, а один из эскадронов выдвинулся для разведки возможного пути на Тресибабу. На привале слышали со стороны Княжевака сильную артиллерийскую канонаду, с нетерпением ждали призыва выступать, но его всё не было. Черняева видели взвинченным и удручённым, но никто не мог понять причину его выжидания. Во второй половине дня наконец вернулся эскадрон с вестью о том, что Княжевак пал. Это все восприняли как личную трагедию. Солдаты и офицеры, по словам современников, винили в падении города именно Черняева. Но справедливы ли эти обвинения?

Черняев, несомненно, был обижен на князя Милана за то, что тот не доверил ему командование всеми войсками на Мораве и Тимоке. Некоторые из историков намекают даже, что Михаил Григорьевич просто не желал оказывать помощь полковнику Лешанину, которому формально подчинились войска, оборонявшие Княжевак. Но, зная характер и всю предшествующую деятельность Черняева, прямой саботаж с его стороны все-таки заподозрить очень трудно. Существовали другие обстоятельства, которые сербские историки обычно обходят молчанием. Формально между Алексиевичем и Тресибабой один дневной переход. Но надо было пройти ночью, по плохим горным дорогам, да к тому же провезти с собой тяжёлую артиллерию. В этом случае частота привалов зависит исключительно от степени усталости артиллерийских запряжек, и переход, вполне естественно, мог затянуться. Далее, Черняев не был предупреждён о готовившемся контрнаступлении Хорватовича, и момент атаки не был чётко согласован с графиком движения его колонны. Наконец, само движение было явно не по душе Михаилу Григорьевичу. Судя по маршруту, он должен был на самом деле выйти на Дервент, а не во фланг корпуса Эюба, и далее двигаться по следам главной турецкой армии, прямиком ей в тыл. Такое движение можно было бы считать удачным лишь при условии наличия в распоряжении командира стойких и проверенных войск: ведь в случае неудачи отступать некуда и оставалось только сдаваться в плен. Малая численность колонны не соответствовала смелости задуманного мероприятия и превращала его в откровенную авантюру с

Михаил Илич

очень малыми шансами на успех. В свете этого становится понятной остановка у монастыря Святого Архангела: разведывательный эскадрон должен был разыскать дорогу через Сверлигский Тимок в обход Дервента. Кроме того, следует учитывать и

Бой на Яворе 24 августа 1876 г. Художник капитан Сима Мичин был участником этого боя. На переднем плане изображена героическая смерть майора генерального штаба Михаила Ильина

ещё одно обстоятельство. Черняев, выдвинувшись к Княжевацу, постоянно оглядывался на Алексинец. Перед выступлением он получил донесение Милутина Ивановича о концентрации огромных вражеских масс у Мрамора, где действительно собиралась дивизия Али-Саид-паша. Это подтверждало его худшие опасения: турки свободно могут пройти долиной Моравы, в то время как он безнадёжно застрянет на Тресибабе. Всё это не могло не сказатьсь на его действиях 23 июля (4 августа).

В этом сражении турки тоже не использовали всех своих возможностей. Ведь от Заечара до Княжеваца лишь один день марша; Осман-паша располагал значительными силами и вполне мог выслать колонну, которая легко сбила бы небольшой заслон сербов у Вратарницы и вышла к Княжевацу с тыла. Но этого сделано не было.

На следующий день колонна Черняева спокойно вернулась в Алексинец. Однако его поход, как и неудачная демонстрация полковника Милутина Ивановича у Мрамора, всё же не остались без последствий: обеспокоенный за свой тыл, Эйб-паша не стал занимать основными силами Княжевац, а, наоборот, несколько оттянул их к Тресибабе, где его корпус и застыл на 10 дней в нерешительности. В Княжевац вошли лишь нерегулярные отряды башнебузуков и черкесов, которые разграбили и сожгли город дотла.

Живоин Мишић

В трёхдневных боях за Княжевац обе стороны понесли значительные потери: у сербов погибли или были ранены каждый пятый солдат из участников в боях, у турок, по их собственному признанию, вышло из строя до 4000 человек, из них 1700 были убиты.

Любомир Йованович,
начальник штаба Сербского Верховного
командования (князя Милана)

Оставив Княжевац, сербские войска разделились: части подполковника Хорватовича отошли на Соко-Баню и заняли Княжевецкую Клиссуру (горный проход), а отряд подполковника Лазаря Йовановича отступил к Бучье, заняв теснину перед ним, и служил теперь связующим звеном между Луковским и Баньским отрядами.

Осман-паша 24 июля (5 августа) предпринял довольно слабую попытку атаковать Заечар, которая была отражена артиллерийским огнем. Однако с падением Княжевца сербы не могли более держаться на линии Тимока. В ночь с 5 на 6 августа войска полковника Лешанина оставили Заечар и отступили к Лукову. В результате весь сербский фронт теперь отодвинулся на линию Алексинац — Соко-Баня — Луково.

Перегруппировка армий

Падение Княжевца явилось болезненным ударом для сербского Верховного командования. В ночь с 24 на 25 июля (5 на 6 августа) в Делиграде состоялся новый военный совет под председательством князя Милана. Черняев был удручен неудачей, чувствовал долю своей вины и прекрасно понимал катастрофические последствия сохранения «двоевластия» в армии, поэтому вручил князю Милану прощение об отставке. Князь совершенно растерялся и принял уговаривать Михаила Григорьевича оставаться, на что тот потребовал расширенных полномочий, и они были даны. В 3 часа дня 6 августа Милан направил Черняеву письмо с уведомлением о назначении его командующим объединенной Тимокско-Моравской армией с правом назначать высших командиров в армии по собственному усмотрению.

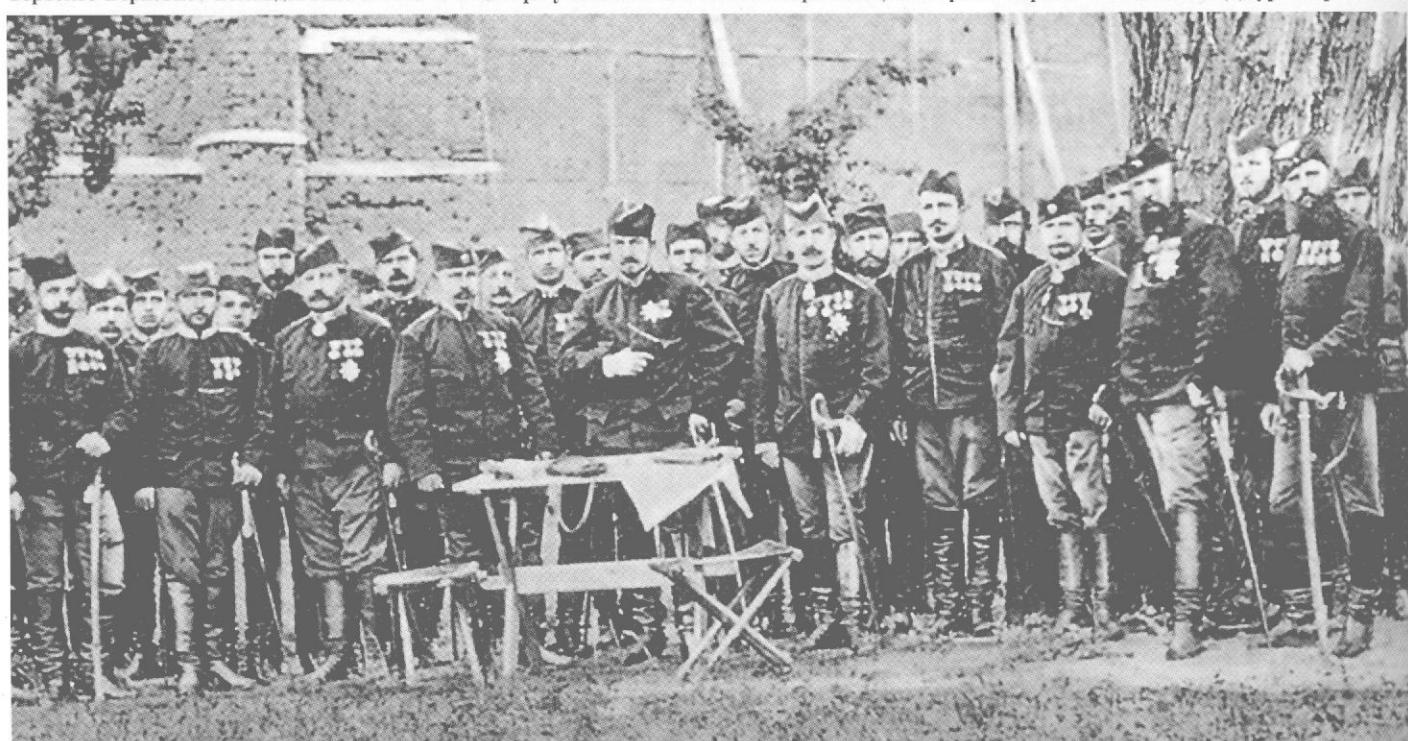
Между тем турецкая Главная квартира внезапно решила переменить дальнейший план войны. Сущность нового плана состояла в том, чтобы корпус Ахмед-Эюб-паша вместе с дивизией Фазли-паша из состава корпуса Османа передвинуть обратно к Нишу на соединение с войсками Али-Саиб-паша, а затем всеми силами предпринять общее наступление в долине Моравы. Но тем самым турецкий главнокомандующий полностью отказывался от всех преимуществ, приобретенных в результате кровавых боёв за Княжевец, и возвращался к идеи фронтальной атаки Алексинацкой позиции сербов, той самой, которую прежде считал необходимым обойти.

Причиной такой перемены обычно называют трудности с доставкой продовольствия в Княжевец по горным дорогам, но правильнее всё же искать её в неразберихе, которая царила в турецкой армии и её Главной квартире. Дело в том, что главнокомандующий Абдул-Керим-паша, обладая богатым боевым опытом и будучи храбрым и честным, не отличался, однако, особыми военными способностями; к тому же ему

было уже под семьдесят, и он не в состоянии был сесть на лошадь; наконец, из-за нерешительного характера постоянно находился под сильнейшим влиянием своих иностранных военных советников — бывшего прусского инженерного офицера Блум-паша и венгерского генерала Клапки, ветерана войны 1849 г. Они были склонны разрабатывать хитроумные планы, совершенно не учитывая того, что плохо организованная и неповоротливая турецкая армия, наоборот, лучше всего могла выполнить наиболее простые манёвры. Так вышло и теперь: все результаты Княжевецкой операции были отброшены, и завоевание Сербии предложили начинать с «чистого листа». Вообще, все действия турецкого командования в этой операции свидетельствуют о полном неумении использовать свои преимущества, тогда как Джуро Хорватович и Лазарь Йованович действовали очень грамотно, и их солдаты сражались с необычайным для сербов упорством. В результате Княжевецкое сражение несколько укрепило моральный дух сербских войск, и в анналы сербской истории оно вошло под названием «Героическая оборона Княжевца».

В соответствии с новым планом 2 (14) августа дивизия Фазли-паша (13 батальонов, 3 батареи и 6 эскадронов) из корпуса Осман-паша присоединилась к корпусу Ахмед-Эюб-паша, стоявшему на бивуаках у Тресебабы. После этого 5 (17) августа корпус Эюб-паша снялся и никем не тревожимый совершил фланговый марш на Алексинац двумя колоннами: левая (главная) двигалась через Дервент и Громаду, а правая — через монастырь Святого Архангела по горным тропам на Ржавцы и Езеро. 7 (19) августа правая колонна через горы вышла к монастырю Святого Стефана, а левая — 9 (21) августа к Катуну. Воспользовавшись отступлением корпуса Ахмед-Эюб-паша, Баньский отряд Хорватовича вновь занял развалины сожжённого дотла Княжевца, а затем и свою старую позицию у Тресебабы.

Сербское Верховное командование в 1876 г. В центре у стола князь Милан Обренович, четвёртый справа — полковник Джуро Хорватович

Передышку, полученную в результате турецких манёвров, Черняев использовал на перегруппировку своих сил и реорганизацию вверенной ему армии. Первым делом, 27 июля (8 августа), он взял себе нового начальника штаба, уже упоминавшегося полковника Генерального штаба — Виссариона Виссарионовича Комарова.

Теперь штаб Тимокско-Моравской армии выглядел следующим образом: начальник штаба — полковник Комаров; помощник начальника штаба — капитан Ефрем Велимирович (затем — подполковник Монцеверди); начальник Артиллерии — подполковник Сава Груич; начальник Инженеров — майор Пётр Арандженович; офицеры — поручики Ковачевич, Мостић и Лаврентьев (последний — русский); начальник интендантской части — майор Катанич; начальник военно-медицинской части — доктор Владан Джорджевич.

В тот же день Черняев назначил полковника Косту Протича начальником всех войск в долине Моравы, расположенных на линии Громада — Янкова Клиссура, его помощником стал подполковник Коста Бучевич. При этом Алексинацкий фронт был поделён на два участка: войсками на левом берегу Моравы должен был командовать Милутин Йованович, а на правом — подполковник Анту Богичевич. Но оба этих офицера фактически и не приступили к исполнению своих обязанностей. Милутин Йованович не захотел принимать командование и был отправлен с фронта в Чуприю (его место занял майор Светозар Хаџич, бывший до этого командиром Чуприйской бригады 1-го класса), а подполковник Богичевич предпочёл не менять «теплой» долж-

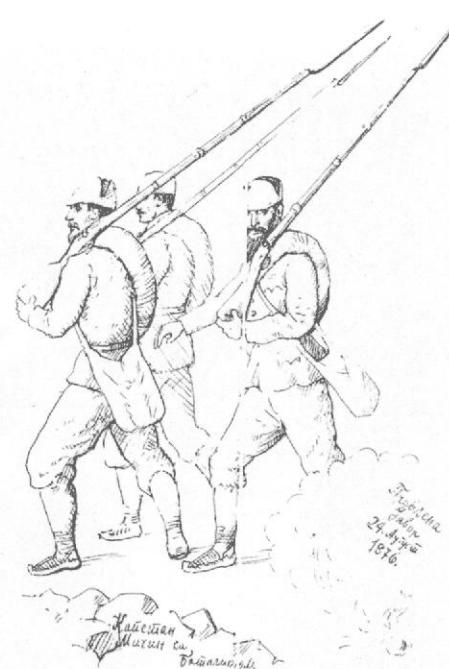
Библиография.

- Опачић Петар, Соко Саво. Српско-турски ратови 1876–1878. Београд, 1981.
Мишић Живоин. Мое успомене. Т. 1 Београд, 1980.
Торђевић Владан. Српско-турски рат. Успомене и бедешке из 1876, 1877, 1878 године. Кн. 1, 2. Београд, 1907.
Тодоровић Пера Дневник једног добровољца. Београд, 1964.
MacKenzie David. The lion of Tashkent. Athens, 1974.
Гейсман П. А. Славяно-турецкая борьба 1876–1877–1878 гг. и её значение в истории развития Восточного вопроса. Ч. 1, 2. Спб., 1887 г.
Максимов Н. В. Две войны. 1876–1877. Т. 1 Спб., 1879.
Воронич К. И. Изнанки Сербской войны. Ч. 1–3, Спб., 1877–1878 гг.
Мещерский В. П. Правда о Сербии. Письма. Спб., 1877.
Никитин С. А. Письма и записки Н. А. Киреева//Славянский сборник. М., 1948.
Кузьмичева Л. В. Русские добровольцы в Сербо-турецкой войне 1876 г.//Россия и Восточный кризис 70-х годов XIX века. М., 1981.
Освобождение Болгарии от турецкого ига (сб. документов). Т. 1. М., 1961.
Глущенко Е. А. Герои Империи. Портреты российских колониальных деятелей. М., 2001. (журнальные публикации)
Дурново И. Н. К истории Сербо-турецкой войны 1876 года//Исторический вестник. 1901. Т. 75. № 2. С. 531–537.
Карцев Ю. С. За кулисами дипломатии//Русская Старина. 1908, СXXXIII–СXXXV.
Журналы «Современные Известия», «Нива» и «Пчела» за 1876–1877 годы.
Петров А. А. Генерал боевой и опальный//Родина. 1994. № 6. С. 76–81.
Петров А. А. Добровольцы//Родина. 1998. № 5, 6. С. 105–107.

ности начальника Артиллерии Верховного командования на слишком беспокойное место на фронте. Вслед за этим Черняев без сожаления расстался и со всеми остальными командирами дивизий в своей армии (формально Моравская армия состояла из трёх дивизий: Южно-моравской, Шумадийской и Дунайской). Эти высшие сербские офицеры в мирное время командовали лишь батальонами «стоячего» войска и в боевой обстановке оказались совершенно неспособными: Узунмиркович «потерял сердце» на Бабиной Главе, Милутин Йованович трижды ходил на Ниш, ни так и не сумел ни разу серьёзно его атаковать, а Лешанин «блестяще» провалил атаку своей колонны на Великий Извор. Теперь полковник Узунмиркович был отпущен по собственной просьбе в Белград, его должность командующего войсками в Соко-Бане принял Хорватович, произведённый за Княжевац в полковники. Полковник Лешанин, судя по официальному приказу, «был случайно ранен и отправлен на лечение», его место командующего войсками в Лукове занял Лазарь Йованович. Таким образом, во главе войск встали начальники, прошедшие проверку под Княжевацем и с честью выдержавшие её.

1 (13) августа вся Тимокско-Моравская армия была заново разделена на 4 корпуса: 1-й корпус — 27,5 батальонов (20818 чел.) при 5-ти полевых батареях; начальник полковник Йован Джорджевич; располагался в Делиграде;
2-й корпус — 30 батальонов с крепостной и полевой артиллерией; начальник полковник Коста Протич; имел квартиру в Алексинаце;
3-й корпус — 22 батальона (18130 чел.) при 5-ти батареях; начальник полковник Лазарь Йованович; располагался в Лукове;
4-й корпус — 20 батальонов, 5 батарей и 4 эскадрона; начальник полковник Хорватович; располагался в Соко-Бане.

2-й, 3-й и 4-й корпуса защищали возможные пути вторжения турок в глубь Сербии соответственно от Ниша, Княжеваца и Заечара. 1-й корпус служил резервом в перв-

Сербские солдаты в сражении под Явором
(рисунок из альбома Павле Васича)

ую очередь для обороны Алексинаца, но в случае необходимости его могли использовать и для двух других направлений. В корпусах было от 18 до 22 тысяч бойцов.

Князь Милан ни во что больше не вмешивался, уехал в Парачин, а затем в Белград под тем предлогом, что княгиня Наталья на сносях. 2 августа сербским войскам при звуке труб объявили о рождении наследника сербского престола князя Александра. С тех пор роль князя как Верховного главнокомандующего была чисто формальной, а действительным вождём Сербской армии окончательно стал генерал Черняев.

Главные силы обеих армий, сербской и турецкой, сосредотачивались между Нишем и Алексинацем; именно здесь в ближайшие недели предстояло разыграться решающим битвам этой войны.

(Продолжение следует)

ПАРАДНАЯ ФОРМА СТОЯЧЕГО ВОЙСКА В ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ МИХАИЛА ОБРЕНОВИЧА

1859–1868 г.

А. А. Петров

вслед за николаевской армией сербская пехота и артиллерия сменила кивер на пикообразную каску русского образца, при этом мундир приобрёл покрой сюртука с длинной «юбкой», и его цвет изменился с тёмно-зелёного на тёмно-синий. Одновременно кавалерия из «казаков» превратилась в «улан», получив синий мундир фрачного покрова с красными лацканами и уланскую шапку с квадратным верхом.

От русских образцов форма сербской армии того времени отличались лишь цветом да наличием герба княжества на бляхах киверов и касок, на пряжках офицерских шарфов и т. п.

Отход от слепогоkopирования русских образцов в Сербии, кстати, как и в Румынии, начался лишь после поражения России в Крымской войне. Для Сербии это совпало с приходом к власти князя Михаила Обреновича.

**Генерал М. Г. Черняев.
Главнокомандующий сербскими армиями**

Сражение у Алексинаца началось 6 (18) августа 1876 г. с нападения турецкого авангарда и тысячи черкесов на крайний левый фланг сербской позиции — на их передовые посты у села Рсовцы. В этот район выходила от Княжевца дивизия Фазли-паша. Ей противостоял сначала добровольческий отряд в 250 человек с 2-мя мортирами под командой русского капитана Протопопова, усиленный затем отрядом майора Миленко Павловича. Поскольку пока не весь корпус Ахмед-Эюб-паша прибыл к Нишу, на перегруппировку сил туркам требовалось ещё два-три дня. Поэтому, чтобы прикрыть сосредоточение своих войск, Абдул-Керим приказал Али-Саид-паше, чей корпус был уже развернут у Мрамора, атаковать сербские войска на левом берегу Моравы. Сербы имели здесь три отряда: на берегу Моравы у Тешницы находилась Алексинацкая бригада 1 класса майора Светозара Хаджича; правее её, у Суповаца, стояла Смедеревская бригада 1 класса с левой батареей под командованием майора Ивана Поповича; наконец, на крайнем пра-

Сербские регулярные войска и волонтёры выступают из Белграда на фронт

СЕРБО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1876 ГОДА

Сражение у Марсоли

А. А. Петров

вом фланге у села Гревцы располагался Букинский отряд майора Стевана Велимировича (5 батальонов, 1 чета пионеров, 1 горная, 1 лёгкая полевая и 1 мортирная батарея).

Али-Саид-паша начал наступление утром 7 (19) августа. В течение дня турки оттеснили Смедеревскую бригаду от Суповаца к Тешице, а ночью башибузуки и черкесы подожгли сёла Суповац, Голешница и Малый Дреновац. В этот же день турецкие части, расположенные на правом берегу Моравы, атаковали сербов по всей их передовой линии от Катуна до Горного Крупаца. Однако силы турок здесь пока были невелики, так что майор Миленко Павлович, подкреплённый отрядом полковника Малиновского (2 батальона с 2-мя орудиями), сумел отразить нападение на Езеро, а майор Иван Петрович выбил вечером турок из Горного Крупаца и отбросил их обратно к Рсовцам.

На следующий день, 8 (20) августа, сражение разгорелось с новой силой, и на правом берегу Моравы сербы вынуждены были отойти от Горного и Дольнего Крупаца и села Езеро на линию Станцы — Пруговац — монастырь святого Стефана.

Постепенно в бой вступали части корпуса Ахмед-Эюб-паша, который к утру 9 (21) августа окончательно сосредоточился на правом берегу Моравы против Алексинаца. Черняев, со своей стороны, перевёл 1-й корпус из Делиграда в Алексинац, назначив его командующим полковнику Ивану Джорджевичу старшим начальником всех сербских войск на левом берегу Моравы, и одновре-

менно послал 9 (21) августа приказание Хорватовичу выдвинуться со своим корпусом из Княжевца в направлении к Езеро, имея задачу выйти в течение ближайших двух дней во фланг главной турецкой группировки. В тот же день из Лукова подошла к Алексинацу Пожаревацкая бригада 1 класса.

Утром 8 (20) августа Черняев попытался перехватить инициативу на левом берегу Моравы. С этой целью он выделил из резерва отряд (2 батальона и 2 батареи), который поручил русскому добровольцу полковнику К. Р. Гаганидзе, и приказал ему атаковать турок у Тешицы. За село Тешницу к этому времени уже разгорелась упорная борьба; со стороны сербов оборону здесь держала Чуприйская бригада майора Хаджича. Турки атаковали её очень настойчиво, причём целью наступления Али-Саид-паши, кроме отвлечения как можно большего количества сербских сил, было также устройство в дальнейшем моста через Мораву у Тешицы с тем, чтобы обеспечить кратчайшее сообщение между турецкими корпусами, стоявшими на обоих берегах реки. К вечеру правая турецкая колонна заняла село Катун, и сербы, видя угрозу своему флангу, вынуждены были оставить Тешницу и отойти к селу Марсоль¹. Гаганидзе также потерпел полную неудачу. Он только недавно прибыл из России и, попав в сложную обстановку, не сумел спасти со своими войсками. Его отряд был приведен в беспорядок и отброшен к Житковацу.

Позиция у села Марсоль имела для сербов жизненно важное значение, т. к. прикрывала мосты через Мораву, наведенные ими напротив Алексинаца, которые связывали сербские части на правом и левом берегу реки. Перед мостами располагалось сильное предмостное укрепление. Естественным продолжением этой позиции являлись расположенные правее Житковацкие высоты. Потеря Тешницы и беспорядочный отход к Марсоли создавал теперь непосредственную угрозу сербским переправам. Поэтому Черняев вынужден был сместь Гаганидзе и одновременно послать на Житковацкие высоты новый отряд с задачей принять на себя отступающие части Гаганидзе. Командование этим отрядом Михаил Григорьевич поручил только что прибывшему из России полковнику Николаю Николаевичу Раевскому — представителю одной из самых известных русских военных фамилий.

Николай Николаевич Раевский (1839–1876) — внук знаменитого героя наполеоновских войн генерала от кавалерии Николая Николаевича Раевского; отец его — младший сын генерала, тоже Николай Николаевич Раевский (дед, отец и сын — полные тезки), тот самый одиннадцатилетний Нико-

Продолжение. Начало см. № 1, 2002 г.; № 2, 2003 г.

ленка, который находился рядом со своим отцом и старшим братом в сражении у Салтановки в 1812 г., затем стал полковником и командовал Нижегородским драгунским полком на Кавказе в 1826–1829 гг.; во время Русско-персидской и Русско-турецкой войн, наконец был произведен в генералы и назначен начальником Черноморской кordonной линии. Его сын, Николай Раевский, также выбрал военное поприще. Он поступил сначала в Лейб-гвардии Гусарский полк, где дослужился до чина ротмистра; в 1870 г. по собственной просьбе перевелся в Туркестан, в 7-й Линейный батальон, с которым в том же году выступил в поход против шахриябцев; отличился и был ранен при взятии Китаба в октябре 1870 г.². Раевский был горячим сторонником славянофилов, членом «Московского славянского общества», другом И. С. Аксакова. Более того, в 1867 г., когда Черняев предлагал свои услуги князю Михаилу Обреновичу, Раевский, действуя в тесном взаимодействии с Михаилом Григорьевичем, посетил Сербию, чтобы ознакомиться с положением дел на месте, и по результатам поездки составил «Проект организации восстания на Балканском полуострове», который претворить в жизнь тогда, однако, не удалось. Так что решение Раевского ехать в Сербию было, как и для Черняева, вполне осознанным и естественно вытекало из всей его предыдущей жизни. В этом отношении они с Михаилом Григорьевичем оказались очень похожи, и не только своими достоинствами, но и недостатками. Насколько можно судить, Николай Николаевич Раевский был чрезвычайно честолюбив, обидчив, ёлчен, и как следствие, трудно переносим в частной жизни. По одной из версий именно он послужил прототипом Вронского в романе Льва Толстого «Анна Каренина», впрочем, лишь в той части, когда разочарованный

Вронский едет в Сербию, чтобы сложить голову на поле боя. К этому времени Раевского, погибшего в бою, оплакивала уже вся Россия³.

Черняев и Раевский действовали совместно в 1867 г., но позднее, похоже, между ними «пробежала кошка». Сразу же по прибытии последнего к действующей армии начались трения, приведшие вскоре к серьезному конфликту⁴.

В понедельник 8 (20) августа в 5 часов утра Раевский был уже в Алексинаце. «Когда вопрос коснулся того, чтобы дать мне какую-нибудь часть войск, он [Черняев] стал уклоняться от этого, под предлогом, чтобы не обидеть сербов. Впрочем, после обеда он поручил мне отправиться с батальоном и 4-мя орудиями через Жидковац, чтобы занять позицию на противоположном краю долины и служить опорой для войск, которых должны были отступить сюда из Тешицы и Вуканья», — это слова самого Николая Николаевича. Сохранилось и предписание, выданное Раевскому Комаровым — начальнику штаба Черняева: «Вы будете стоять на позиции и войдете в общую оборону. Разъезды никогда не посыпаются от каждой части позиции. Ваш правый фланг может подвергнуться атаке лишь после отступления из Тешицы. Тогда придут на позиции и батареи. 8 августа, 3 ч. пополудни. В. Комаров».

Раевский зря обижался на незначительность данной ему задачи. Как известно, к этому времени уже вполне выяснилась неустойчивость сербской пехоты, и командующему приходилось объяснять, скорее всего в достаточно мягкой форме, каждому офицеру, только что прибывшему из России, что на данные ему части полагаться нельзя и что, по большому счёту, с точки зрения русского военного, они просто небоеспособны.

Полковник Н. Н. Раевский.
С фотографии рисовал и гравировал Боярский

Корреспондент «Санкт-Петербургских Ведомостей» Д. К. Гирс, аккредитованный при штабе Черняева, передаёт, например, следующее свидетельство, усомниться в правдивости которого мы не имеем оснований: «Всякая отлогость горы усеяна виноградниками, а всякая долина покрыта безчисленными посевами кукурузы, вышиною в рост человека и более. Сербская же пехота относится к этим естественным закрытиям довольно комическим образом, так сказать, не с целями оборонительными, а исключительно предохранительными. «Как только увидишь кукурузу, — рассказывали мне, смеясь, многие русские, командовавшие батальонами в делах, — так и испугаешься более, чем самих турок, потому что на открытом месте солдаты ещё туда-сюда, дергаются в срою, но как только приближись к кукурузе — никакого удержу нет: они чувствуют как-бы особенную склонность к ней, все бросаются туда — и уж затем не выгонишь их оттуда ни угрозами, ни мольбами — и все в разбродах поодиночке».

Раевскому предстояло убедиться в этом на личном горьком опыте. Пока же Черняеву приходилось сдерживать своего слишком ретивого подчинённого. Так, поручик Топорков, присоединившийся к Раевскому по дороге из России и ставший затем его адъютантом, свидетельствует, что Николай Николаевич, получив из штаба предписание в случае неудачи отходить не на Алексинац, а левым берегом Моравы на Джунис, «послал меня с письмом к Черняеву, где старался несколько воодушевить его, и, между прочим, писал,

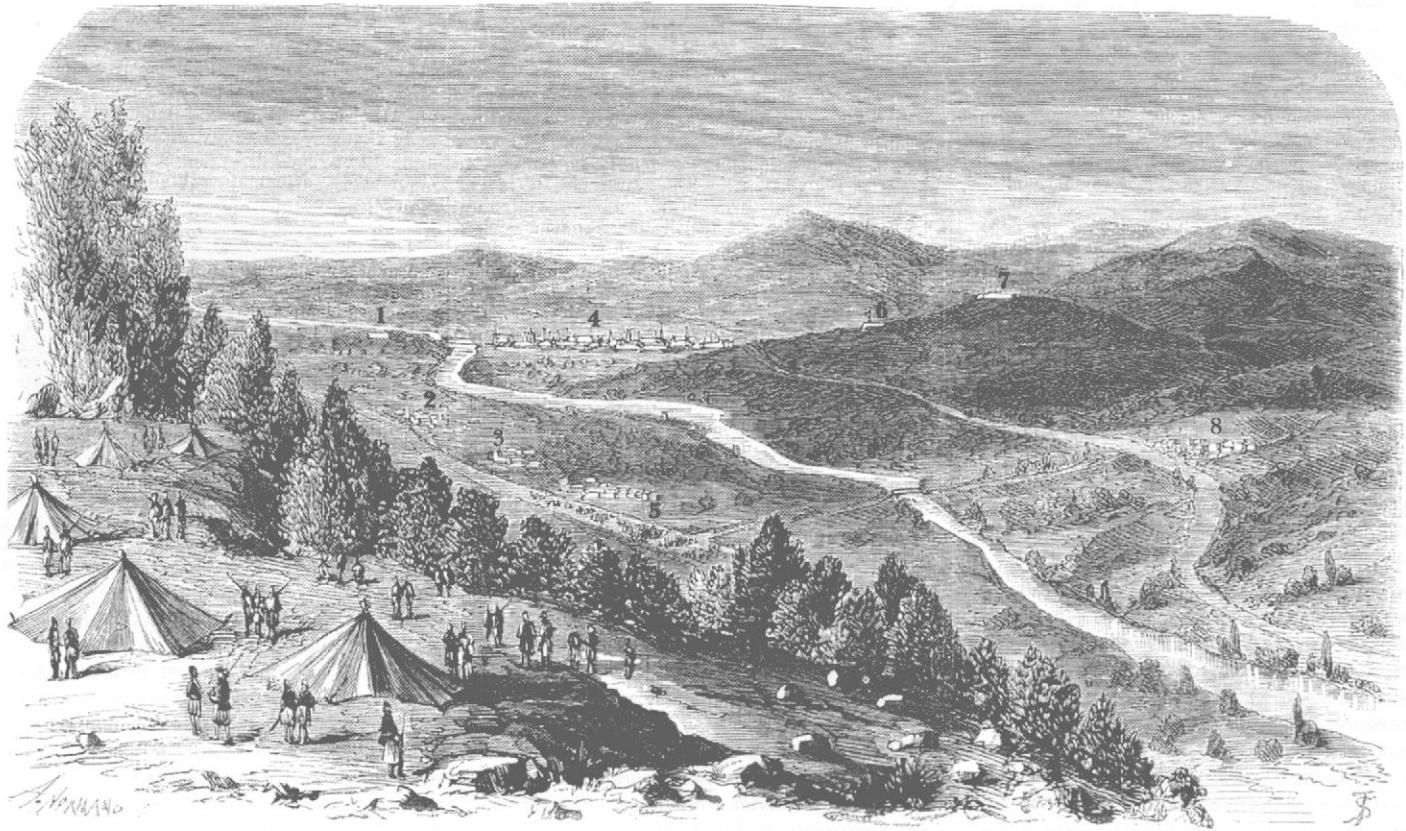
¹ В источниках встречается различное написание названия этого села: Мерсоль, Мерзоль, а также Моравац.

² Насколько известно, это единственное участие Раевского в боевых действиях до прибытия в Сербию.

³ Недавно вышла в свет книга А. Л. Шемякина «Смерть графа Вронского» (М., 2002), посвященная Н. Н. Раевскому. Не могу не отдать должное автору в части изложения биографии Николая Николаевича и сопоставления его с образом графа Вронского, но совершенно не согласен с г. Шемякиным относительно конфликта Раевского и Черняева и Сербо-турецкой войны в целом. На мой взгляд, автор пошёл на поводу у стандартного хора хулиганов Михаила Григорьевича, отказалвшись от проведения даже мало-мальски серьёзного анализа хода боевых действий и реальных поступков Черняева как полководца.

⁴ Незадолго до гибели Раевский изложил свою версию конфликта в неотправленном письме В. С. Семёнову, которое позднее было опубликовано в 5-м томе «Архива Раевских». Несмотря на явную пристрастность Раевского, а может быть, и благодаря ей, оно является бесценным свидетельством, позволяющим восстановить ход событий тех критических дней.

Панорама долины Моравы. Вид со стороны сербского лагеря на высотах у села Марсоль. Цифрами отмечены: 1 – понтонный мост через Мораву у Алексинца; 2 – деревня Житковац; 3 – деревня Марсоль; 4 – город Алексинец; 5 – деревня Норсина; 6, 7 – сербские шанцы (редуты) на Руевацком хребте (главная линия обороны алексинецкой позиции); 8 – село Буймир

что “отступать, не имея с турками даже ружейной перестрелки, значит признать себя побеждёнными и обратиться в бегство”. — “Передайте Николаю Николаевичу, что я не из таких, которые отступают”, — сказал мне Черняев. — Но я знаю эти войска: это люди, на которых невозможно положиться: они час-два дерутся, а потом ни с того, ни с сего бросаются бежать”. Черняев отправил в ответ с Топорковым собственноручную записку: «Не увлекайтесь,

Николай Николаевич, держитесь, насколько благоразумие позволяет. Я оставил на время в шанцах у Житковца 2 батальона и 4 орудия. Отступайте на Делиград. М. Черняев».

Но вернёмся к свидетельству самого Раевского: «В 3 часа пополудни отправился я туда и занял позицию на холме, командующем половиной долины Моравы (до Жидковаца³) с одной (левой) стороны и двумя ущельями с правой. С первого взгляда я увидел, что Жидковацкая, или, как мы её назвали,

Прециловацкая позиция, имеет огромное значение: команда двумя ущельями и дорогой, ведущей из Тешицы, она препятствует неприятелю обойти сильно укреплённую Алексинецкую позицию и двинуться прямо на Делиград». Со справедливостью этого суждения Черняев и его начальник штаба Комаров полностью согласились, и результатом явилось решение в последующие дни отстаивать позицию упорно, во что бы то ни стало.

Вечером на позицию, занятую Раевским, отошли полевая батарея, 4 батальона Чуприйской бригады майора Хаджича и 2 батальона под командой полковника Гаганидзе. Таким образом, под командой Раевского теперь собралось 5 батальонов и 4 орудия. Ночью прибыл ещё и «отряд черногорских и русских волонтёров» численностью около 50 человек. При отступлении от Тешицы он прикрыл отход всех сербских войск, и сам ушёл последним⁶.

На другое утро Николай Николаевич, по свидетельству Топоркова, решил лично убедиться в боеспособности своих солдат, и «приказал сделать наступление». Для этого он выделил отряд пластунов-добровольцев, а в помощь им — батальон Белградской бригады I класса с 2-мя горными орудиями, и поручил своему заместителю майору Кузьминскому, опытному офицеру и ветерану Кавказских войн, «произвести усиленную рекогносировку». Не успел майор Кузьминский подняться на гребень противоположного хребта, как из-за него раздалась сильная ружейная и пушечная стрельба: отряд напоролся на турок, которые сами в этот момент переходили в наступление. Белградский батальон не выдержал и бро-

Арнауты и черкессы, используя керосин, поджигают деревню Тешину

сился бежать; пластины прикрывали отход, разбившись на «маленькие кучки» и отстреливаясь от неприятеля, горные орудия, сделав только по три выстрела, взялись на передки и спешно отошли. Во время этого беспорядочного бегства были убиты молодой корреспондент «Биржевых Вестей» А. Г. Ерошенко и 18-летний юноша Илья Бараш, сын Московского миллионера-фабриканта, которые вылезли в этот день на свою беду быть ординарцами Раевского.

Паника между тем перекинулась и на основные силы отряда Раевского. Вот что он увидел: «...едва успели замолкнуть выстрелы горных орудий, в двух-трёх верстах впереди, как показались на ближайшем к нам склоне противулежащей горы беспорядочные толпы Белградцев; ещё несколько минут, — и на этом же склоне, против нашего правого фланга, загремела ружейная перестрелка наступавших турок, не сдерживаемых более никем, так как бегущие Белградцы, приняв левее, опускались к стороне Жидковаца, в долину, а оттуда уже перебежали к нам. Заколебались и стоявшие на позиции батальоны. Чтобы поправить дело, я приказал одному из Тюприйских⁷ батальонов двинуться вперёд и подняться на противулежащий склон горы, дабы поддержать принявших влево Белградцев; но пришло повторить это приказание несколько раз, пока люди, наконец, встали с своих ровиков и начали спускаться с холма. Я думал, что они тотчас бросятся вперёд, но не тут то было: спустившись вниз, батальон начал медленно строиться за забором. Взбешённый такой медлительностью, я бросился вниз, обогнал спускавшуюся ещё роту этого батальона и приказал ей не пристраиваться к трём другим, а тотчас идти за мною, и сам выехал вперёд в долину. Вдруг с впереди лежащей высоты засвистали вокруг меня пули (шагов за 400). Пришло остановиться и исдать роту, которая, с крайней неохотой, приостанавливаясь и заминаясь, двигалась вперёд; так пришлось простоять под всей усиливающимся ружейным огнём, пока подошла, наконец, рота, и люди с криком «ура», но черепашим шагом, пригибаясь и почти не стреляя, начали двигаться вперёд; пропустив мимо себя Тюприйцев, я вернулся на батарею,

преследуемый густым ружейным огнём, который турки, очевидно, направляют на конных, догадываясь, что с гибелю начальников люди тотчас побегут».

Вернувшись на батарею, Раевский обнаружил, что остальные батальоны Чуприйской бригады, которые стояли под её прикрытием, поддались панике и бежали от одного вида атакующих турок. Николаю Николаевичу не оставалось уже ничего другого, как только распорядиться об общем отступлении отряда в деревню Прециловца⁸, иначе он рисковал потерять всю свою артиллерию. Энергичность Раевского помогла достаточно быстро собрать рассыпанный отряд и отойти в относительном порядке. Более того, вскоре выяснилось, что турки почему-то не стали занимать Прециловские высоты, а повернули обратно. Раевскому даже удалось вновь занять их своими передовыми постами. Впрочем, это было довольно обычным явлением для той войны. Уже упоминавшийся выше корреспондент Гирс так суммировал мнение русских добровольцев об этом: «Вообще, турок здесь не считают храбрыми. Во все времена войны ни разу не было случая, чтобы они попытались взять сербов в штыки; успех им даётся — отличным, сравнительно с сербами, вооружением и их многочисленностью... Все свидетельствуют, что тут передко в сражениях можно видеть комичные сцены: турецкая цепь бежит в одну сторону, а сербская от нея в другую».

Отряд Раевского заночевал в деревне Прециловац. Здесь Николая Николаевича нашёл поручик Топорков, посланный ранее с донесением в штаб к Черняеву. Он привёз личное послание Главнокомандующего следующего содержания: «Без высоты, которую Вы сегодня так славно обороняли, мы не можем держаться в Алексинце. Кроме Вас, мне некому поручить командования. Постыло Вам 4 белградских батальона, 2 батальона постоянного войска, 8 орудий полевых и 6 орудий 12-фунтовых, 1 эскадрон. 4 батальона чуприйские и сегодняшнюю Вашу артиллерию оставьте на ночь в Житковице и с рассветом отправьте в Алексинец. Постыло Вам Таковский крест. Пусть он будет служить вам доказательством, как я ценю Вашу сегодняшнюю деятельность.

Преданный Вам М. Черняев

Бывший у Вас 5-й белградский батальон оставьте отдохнуть в Житковице, а завтра возьмите с собою, если признаете нужным; в противном случае отправьте с рассветом в Алексинец. Постарайтесь прогнать турок с высоты, командующей над шанцами, и укрепитесь на ней. Житковиц я буду удерживать завтра. М. Черняев».

Кроме письма и Таковского креста, Раевского ожидал специально присланный экипаж и приглашение немедленно прибыть в штаб армии в Алексинец. «Явившись к Черняеву, — вспоминал Раевский, — я сказал ему, что не могу принять крест за дело, в котором мои войска разбежались, что же касается до занятия высот, то, хотя я двое суток уже не спал, но если он желает и не имеет кому поручить, то я приму это дело на себя. Затем, выпив стакан чаю, я тотчас, не отходя, отправился на сборное место; это было два часа ночи».

Турецкие дезертиры в Белграде

А. Г. Ерошенко.
Корреспондент «Биржевых Вестей»

Что же произошло? Почему Черняев считал подвигом, достойным награды, тот бой, который сам Раевский расценивал не иначе как позорное поражение? Все дело в различных оценках ситуации, сложившейся в тот момент на фронте. Заняв 8 августа Прециловские высоты и сумев отстоять их на другой день, Раевский тем самым обратил на них внимание штаба и способствовал принятию решения о превращении их в основную линию обороны на левом берегу Моравы. Кроме того, он смог довольно быстро пресечь панику и восстановить порядок во вверенном ему отряде. Однако Таковский крест был также и авансом за будущие действия. На следующий день Черняев предполагал перейти на этом участке в наступление и всерьёз рассчитывал на самую активную поддержку со стороны Раевского. Главный удар в предстоящем бою должен был наносить отряд подполковника Караджича, Раевскому же надлежало занять прежние позиции и надёжно прикрыть правый фланг атакующего отряда. О том, что на этот раз Раевскому придётся драться всерьёз, свидетельствовал и обновлённый состав его отряда. Передавая ему 4 батальона Белградской бригады I класса, Комаров специально отмечал: «Это лучшая наша бригада». Но в руки Николая Николаевича отдавалась и ещё большая ценность — 2 батальона «постоянного войска»! Только они из всей сербской армии, с точки зрения русского офицера, могли считаться полноценными и боеспособными пехотными

⁵ Так у Раевского; правильное название деревни — Житковиц.

⁶ По свидетельству Перы Тодоровича, переводчика при штабе армии, этот отряд был составлен примерно из 30 русских добровольцев (рядовых) и такого же количества черногорцев и именовался по-разному: «Русско-Черногорским», «Пластунским» или «Легионом смерти». Последнее название обуславливалось тем, что «пластуны» сражались под чёрным знаменем с белой эмблемой в виде черепа и перекрещенных костей. Командовал отрядом русский подпоручик Кирлов. «Пластунам» поручались самые опасные задания, и они порой несли тяжёлые потери, но постоянно пополнялись новыми добровольцами.

⁷ Так у Раевского; правильно — «Чуприйских», по названию города Чуприи.

⁸ В источниках встречаются различные названия деревни и высот возле неё: Прециловец либо Пречиловец.

Подполковник Коста Бучевич.
1-й помощник командующего
алексинакской позицией Кости Протича

батальонами⁹. Вряд ли и сам Раевский не осознавал этого. Думаю, при разговоре с Черняевым он не столь грубо, как пишет об этом в письме, отказывался носить орден. Скорее всего, он заявил, что не заслуживает его пока, но надеется заслужить в будущем.

Ночью, в темноте, отряд Раевского выступил из предмостного укрепления. Белградская бригада и кавалерия запоздала, но это не помешало Раевскому со «стоячими» батальонами занять прежнюю позицию, включая и «авангардную» гору. Турки, как обычно, отошли на ночь с захваченных ими днём позиций в свой лагерь, и Прециловачские высоты были вновь заняты без боя. На переднюю гору был снова отряжен майор Кузьминский с тремя ротами одного из «стоячих» батальонов. Через полчаса появились турки, но, найдя обе горы уже занятymi, завязали лишь незначительную пе-

рестрелку. Между тем подошла отставшая Белградская бригада с артиллерией. По приказу Раевского на главной позиции были быстро выкопаны в два яруса брустверы, за которыми расположили 8 полевых и 4 тяжёлых 12-фунтовых орудия; работами руководил русский инженер-подполковник К. В. Клименко. Черняев подкрепил Раевского ещё и группой русских офицеров. В отряде кроме Клименко, Кузьминского и поручика Топоркова были также Александрийского Гусарского полка ротмистр Дмитриев и артиллерийский штабс-капитан Гаврилов.

Раевский подкрепил Кузьминского на авангардной позиции ещё двумя батальонами и лёгкой батареей и приказал тому поддержать своей артиллерией начавшееся наступление. Тем временем Смедеревская бригада из отряда Караджича, наступая вдоль берега Моравы, заняла находившийся впереди лес, но вскоре была выбита оттуда. К трём часам дня весь сербский центр в полном беспорядке был отброшен за Житкова. Паника докатилась до понтонных мостов через Мораву, несколько сербских батальонов бежали прямо в Алексинац, и Черняеву пришлось лично наводить там порядок и возвращать их обратно. В этот момент левый фланг отряда Раевского находился под угрозой обхода, а прямое сообщение со штабом в Алексинаце было прервано. Однако возникшая паника не распространялась на отряд благодаря его отборному составу. Майор Кузьминский при поддержке огня с главной позиции успешно оборонял авангардную гору. Но Раевский, «обожгёвшись» в предыдущий день, теперь держался гораздо осторожнее и очень тревожился за свой оголённый фланг. Несколько раз он посыпал ординарцев к Черняеву с просьбой либо подкрепить его, либо разрешить отойти. Однако сообщение

с Алексинацем всё ещё не было восстановлено, и донесения Раевского до Черняева не доходили. Не получив ответа, Раевский около 7 часов вечера отдал приказ Кузьминскому начать отход к главной позиции. Далее события развивались, по свидетельству самого Раевского, следующим образом: «Как только турки заметили это, они начали густыми массами горячо насыщать на арьергард, но храбрый регулярный батальон, поддерживаемый двумя батальонами Белградской милиции, тихо, в порядке продолжал отступление, удерживая турок в почтительном расстоянии сильным ружейным огнём... Когда арьергард дошёл до последнего уступа, в 1000 шагов от батареи, то, желая проучить наседавших на него турок, я двинул ему на помощь две роты другого регулярного батальона, который под звуки "атаки" стал подниматься на противоположную (авангардную) гору. Услышав это, отступавший авангард вдруг быстро повернул кругом, двинулся опять вперёд, ударил на турок в штыки и, поддержаный прибывшими ротами, погнал перед собою наседавшего неприятеля через всю гору до самых его шанцев и на плечах его ворвался даже в один из его шанцев и овладел им. Наказав, таким образом, нахального неприятеля, он медленно отошёл, уже слабо преследуемый испуганными турками, которые, дойдя до края горы, лежащей против нашей батареи, не решились спуститься и, прекратив преследование, отступили в темноте к своим шанцам».

На слова о штыковой атаке следует обратить особое внимание. В многочисленных русскоязычных воспоминаниях об этой войне упоминаются всего два случая, когда сербская часть довела свою атаку до штыкового удара; второй раз подобным образом отличился в боях на Кревете 5-й добровольческий батальон, составленный исключительно из русских волонтёров. На такое были способны лишь самые отборные части.

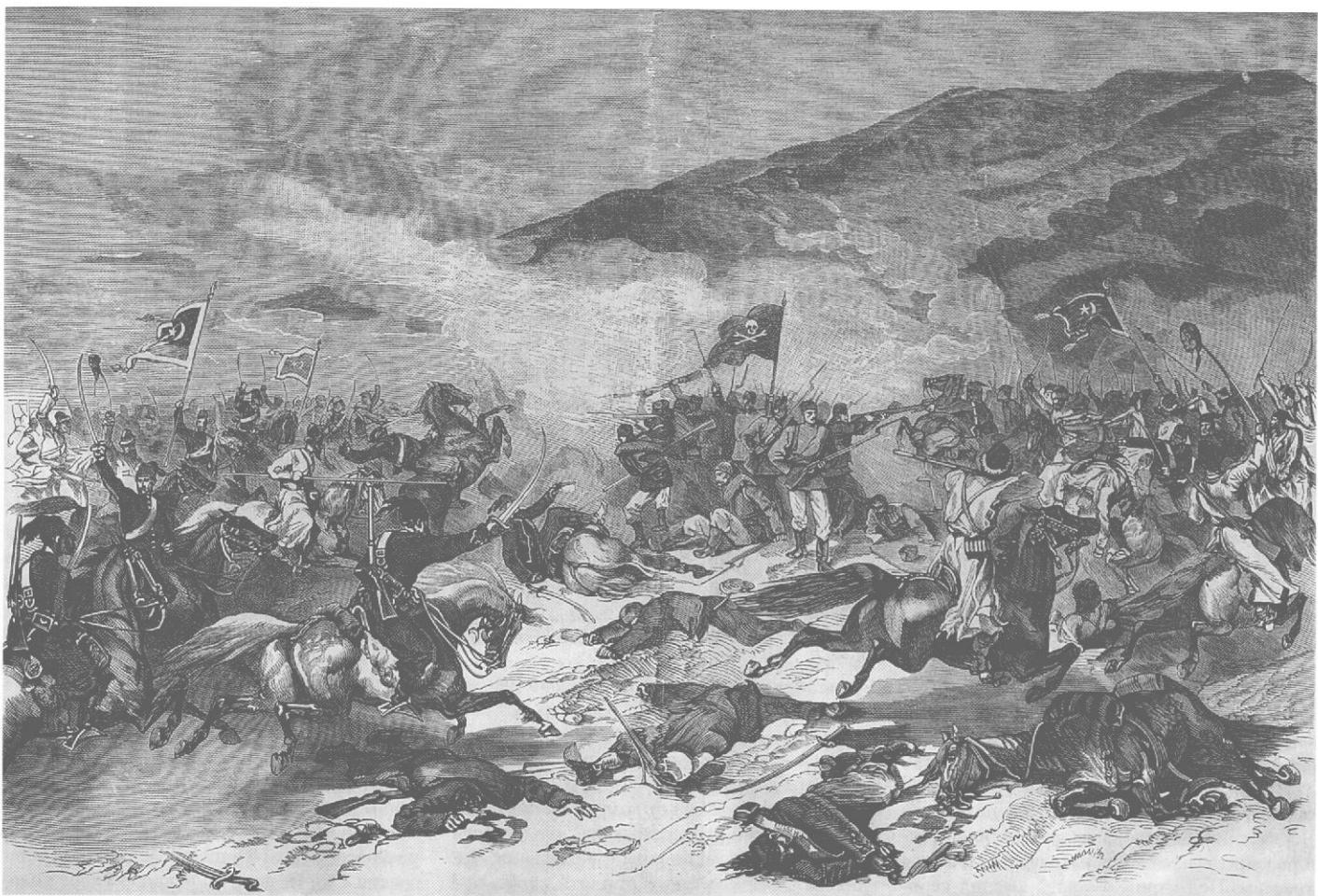
К сожалению, в последней схватке был убит ротмистр Дмитриев и ранен картечью в руку майор Кузьминский, командование арьергардом принял штабс-капитан Гаврилов.

Удачный бой не изменил решения Раевского, он эвакуировал свою главную позицию и отступил к Пречиловцу. И только тут его нашёл нарочный от Черняева с приказом не отступать, а «занять опять позицию и держаться на ней во что бы то ни стало». Разъярённый Раевский отправился в Алексинац объясняться с не менее разъярённым Черняевым. Последовавшее затем их столкновение мемуаристы описывают по-разному. Сам Раевский кратко: «Вместо благодарности за одержанный блестящий успех, и удержание моей позиции до ночи после бегства всего центра, я был встречен упрёками и неприятностями со стороны Черняева и его начальника штаба — интриганта Комарова (в руках которого Черняев находится)». Начальник медицинской службы Тимокско-Моравской армии майор Владан Джорджевич, напротив, описал гнев Черняева весьма красочно:

« — Какое отступление, в своем ли вы уме?
— Было невозможно держаться дальше, Ваше Превосходительство.
— Но как вы посмели оставить вверенную вам позицию без особого на то разрешения?
— Я дважды посыпал к вам за разрешением, но не получил никакого ответа... — начал

Башибазуки

Здесь изображён медленный отход отряда, который свернувшись в каре, отражает атаки многочисленной турецкой кавалерии. Однако вряд ли гравюра передаёт действительные обстоятельства этого отступления

было Раевский, но Черняев его перебил. Держась за голову, он стал ходить взад и вперёд, постоянно срываясь на крик:

— Полковник русской службы, и сделать такое! Это никакая не армия! Это чёрт знает что такое, это милитаристская армия! Кто знает, как сильно ненавидели друг друга Черняев и военный министр Миллютин, тот поймёт смысл этого упрёка, брошенного Черняевым. В нём всё больше вскипала желчь. Он остановился перед бедным Раевским и буквально прошёлся сквозь зубы:

— Вы... вы... вы не заслуживаете носить имя Раевских. Вы сегодня осрамили вашего деда, который так славно дрался с Наполеоном... Раевский побледнел как смерть, отошёл на шаг назад, словно наступив на змею, и проговорил только:

— Это неправда, Михаил Григорьевич!

Вслед за этим он взял фуражку и вышел».

После таких оскорблений примирение, казалось бы, уже невозможно. Но дальнейшие события позволяют усомниться в версии Джорджевича¹⁰. Да, наверное, резкие слова были произнесены, и, скорее всего, с обеих сторон; но на другое утро командующий извинился, а Раевский извинения принял. К тому же Топорков, который, по его словам, поехал в штаб вместе с Раевским, описывает всё совершенно иначе: «Была ночь. Генерал Черняев, утомлённый, спал. Комаров убеждал Николая Николаевича вновь занять его позицию, но Николай Николаевич не соглашался. Во время этого разговора его едва можно было понимать: он спал, разговаривая; язык его едва ворочался. Он предлагал свой план военных действий, — именно предлагал Комарову дать

в его распоряжение достаточно войск и брался произвести ночное нападение, от которого ожидал успеха. Комаров на это не согласился и послал занять высоты подполковника К., а Николай Николаевич пошёл спать».

Согласитесь, довольно странно для смертельно оскорблённого человека засыпать на ходу! Но оставим догадки. Куда важнее выявить истинную причину спора.

Доводы Раевского таковы: в понедельник и вторник (8 и 9 августа) он получил от Черняева два письменных приказа с разрешением, в частности, при осложнении обстановки отступить на Делиград. На это Раевский тогда ответил, что военная часть требует не уступать позиции без боя; он выдержал на этой позиции два боя, а потому считал, что в случае отступления его часть уже не пострадает. Но Черняев в этом споре исходил не из соображений «военной чести», а из реальной обстановки, сложившейся под Алексинацем. Неотвратимо приближался кульминационный момент сражения. Он только что получил донесения о переходе основной массы турок по мостам на правый берег Моравы. Это означало лишь одно: Абдул-Керим решился на лобовой штурм Алексинацкой позиции. Но для успешного отражения этого штурма требовалось твёрдо стоять на обоих берегах Моравы, а Пречиоловацкие высоты непосредственно прикрывали понтонные мости, наведенные сербами через реку у Алексинаца. Оставление высот в этих обстоятельствах означало охват Алексинацкой позиции в самый критический момент сражения. Вот почему Черняев так решительно настаивал теперь на их защите.

Раевский полагал, как видно из контекста письма, что за свои успешные действия достоин Таковского креста, «незаслуженно» полученного накануне, поэтому ему было особенно обидно вместо похвал услышать разнос. И в этом с ним нельзя не согласиться. Неверным было лишь его последнее решение оставить высоты: ведь удачный бой «стоячих» батальонов показал, что была возможность удерживаться на них и дальше. Но Раевского можно понять: он заботился в первую очередь о сохранении своего отряда. Его решение оказалось ошибочным с точки зрения Главнокомандующего, охватывающего обстановку в целом. Если отвлечься от взаимных оскорблений, то требование Черняева было вполне определённым: повторить манёвр предыдущей ночи, вернуться и занять высоты раньше, чем турки займут их утром. Поэтому, на мой взгляд, в данном споре прав был Черняев, а не Раевский, наотрез отказавшийся исполнить приказ.

Итак, Раевский отправился спать, а выполнять его задание пришлось полковнику Комарову. Высоты были успешно взяты снова благодаря мужеству командира одного

⁹ На этот момент из таких же боеспособных пехотных частей у Черняева были лишь 4 регулярных (стоячих) батальона и «Добровольный батальон имени княгини Натальи», только что (6 августа) прибывших на театр военных действий. Кроме того, вскоре развернулся в батальон уже упомянутый «Пластунский» отряд.

¹⁰ Воспоминания Джорджевича, вообще, грешат многими неточностями. Он часто путает даты, а в данном случае утверждает, что Черняев вручил Раевскому орден Такова в знак примирения и «извинения». Документы, приведенные в «Архиве Раевских», свидетельствуют об обратном.

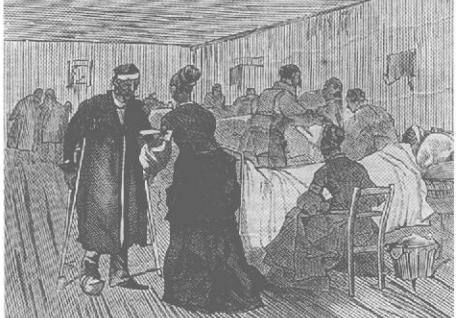

Вид главной квартиры князя Милана в Парачине

из «стоячих» батальонов поручика Милошевича и командира полевой батареи капитана Йована Чайча. Скорее же всего, турки, как и в предыдущую ночь, не стали оставлять все войска на достигнутых рубежах, а ограничились лишь высылкой патрулей. Черняев позднее произвёл за это Милошевича в капитаны, а Чайча наградил Тавским крестом. Под утром Комарова сменил сербский майор Иван Попович. Черняев потребовал от него держаться на Пречиловацких высотах до последнего, пообещав в случае успеха произвести его в подполковники. Одновременно Поповичу были переданы из резерва 5 свежих батальонов и полевая батарея поручика Шамановича.

Наступило утро 11 (23) августа, и в штаб опять явился Раевский. На этот раз он предпочёл забыть оочных обидах, извинился и заявил, что готов выполнить любой приказ. Черняев щёё не знал, справился ли Попович с задачей, а потому предложил Николаю Николаевичу отправиться к своему отряду и включиться в боевую работу. Цель отряда Поповича-Раевского — укрепиться на Пречиловацких высотах и далее, по возможности, вести наступательные операции, согласуя свои действия при этом с правофланговым Вуканьским отрядом майора Велимировича, который должен был обойти левое крыло турок в районе села Крушье. С тем Раевский и отбыл на фронт, но по дороге его нагнал нарочный и передал новое распоряжение Черняева следующего содержания: «Главнокомандующий немедленно после вашего отъезда получил

В сербском госпитале

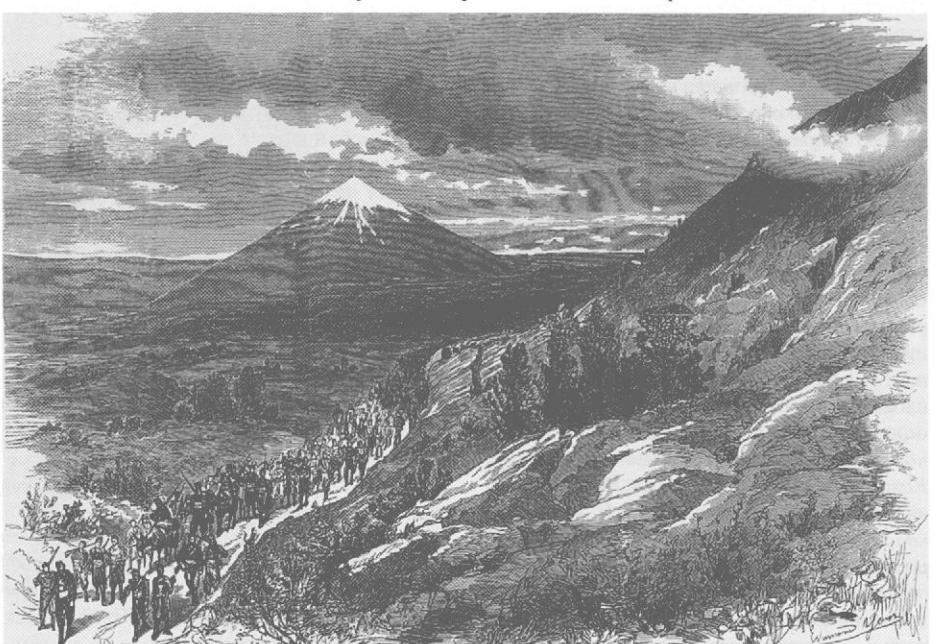
ных желает занять ваше место во главе батальона или бригады и отличиться вместо вас! К концу войны, когда русские составляли уже едва ли не две трети офицерского состава Тимокско-Моравской армии, эта проблема встала в полный рост. Но и сейчас она уже давала о себе знать, и Черняев старался, по возможности, слгаживать острые углы, предпочитая, в крайнем случае, обидеть своего, русского, нежели серба. А в результате очень часто обижался и тот и другой.

Знал бы Раевский, сколько обид и ущемлённого самолюбия вызвало одно только появление его в штабе армии в чине полковника, в чине, который носили менее десятка сербов и который теоретически давал право на командование дивизий, то есть третьей или четвёртой частью всей Тимокско-Моравской армии! В данном же случае Черняев сразу по отбытии Раевского получил известие, что майор Попович успешно выполняет возложенную на него задачу, ту самую, от которой накануне вечером Раевский столь решительно отказался. В этой обстановке было естественным сохранять принцип единонаучалия и не надстраивать над Поповичем лишнюю инстанцию в лице Раевского. Так что никакой интриги Комарова и Черняева против Николая Николаевича не было. Но Раевский не желал этого понимать.

Тем временем майор Иван Попович с Алексинацкой бригадой двинулсь на помощь Велимировичу, который сражался у Крушье, но опоздал: Вуканьский отряд был уже рассеян и отброшен к Великому Шелиговцу. Сам Попович попал в тяжёлое положение, но ему вовремя помог майор Илья Маркович с двумя «стоячими» батальонами. К концу дня и сербы, и турки остались на своих позициях, но и этим Попович на дёжно прикрыл фланг Черняева в самый тяжёлый для него момент. Черняев не остался в долгу и, как обещал, произвёл на другой день Ивана Поповича в подполковники.

Благодаря тому, что Попович удержал позиции, Черняев смог сосредоточить все усилия на своём левом фланге, где ему пришло в тот день отражать яростную атаку главных сил армии Абдул-Керима; это событие вошло позднее в сербскую историю под названием Шуматовацкой битвы.

Отступление сербских войск после сражения под Алексинцем

СЕРБО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА

1876 ГОДА*

Шуматовацкая битва

А. А. Петров

Укреплённая сербская позиция на правом берегу Моравы у Алексинаца проходила по горным хребтам, простиравшимся от села Буймир до Озрен-планины. В ходе боёв 6–10 (18–22) августа туркам удалось сбить сербов с передовых позиций на Буймирском хребте, и те отступили на свою основную позицию на Руевацком хребте, непосредственно перед городом. На гребне этого хребта сербы заблаговременно соорудили семь шанцев (редутов) и несколько батарей, соединённых между собою стрелковыми рвами¹. Левый фланг позиции, примыкавший к Озрен-планине, был прикрыт сильным редутом у Пруговаца, а правый упирался в Мораву и был обеспечен предметными укреплениями у Марсоля и Житковаца. Делиградская позиция находилась в полупереходе за Алексинацкой и представляла собою вторую линию обороны. Создателем линии укреплений вокруг Алексинаца был военный инженер капитан Магдаленич.

Алексинацкая позиция была очень сильна, но Черняев, объезжая её 12 июля, за месяц до начала боёв, всё же заметил в ней существенные недочёты. В частности, на левом фланге осталась неукреплённой высота, именуемая Шумадинской или Шуматовацкой, которая, как выяснилось в ходе рекогносировки, господствовала над основной линией укреплений, являясь, таким образом, ключевой во всей системе обороны данного сектора, а возможно, и всей Алексинацкой позиции. Начальник инженеров Тимокско-Моравской армии майор Пётр Арандженович предложил построить на её вершине редут, и Черняев приказал немедленно приступить к строительству.

Для производства работ был вызван инженер-капитан Живан Протич, младший брат полковника Кости Протича, один из лучших инженерных офицеров сербской армии. В его распоряжение направили двух сапёров-нардников, Пешича и Зарича, а также инженерное депо Дунайской дивизии и два Лепеницких батальона 2-го класса общей численностью 800 человек. Работы продолжались непрерывно в течение месяца. В результате был построен небольшой пятиугольный редут, вошедший в историю под названием «Шуматовацкий шанец», завершённый как раз в ночь на 11 (23) августа, перед самой атакой турок.

Военный корреспондент Д. К. Гирс, находившийся в те дни при штабе Черняева, подробно описал высоту и построенный на ней редут в одном из своих очерков: «Эта высота стоит совершенно отдельно от прочих укреплений, саженях в 350 впереди заворота левого крыла; она очень крута со стороны Алексинаца и более доступна с

поля; она командаёт всеми прилежащими укреплениями позиции и дорогу, то есть путем отступления с левого фланга к городу. Если неприятелю удалось ее занять, то, несомненно, он мог бы демонстрировать [подавить] все орудия левого фланга и принудить сербов очистить сперва левое крыло, а затем и центр позиции... Поэтому возведенный на ней редут был взят под особенное внимание. Вокруг него был вырублен весь лес на ружейный выстрел, бруствера утолщены, сделаны засеки и шахматные колья; он вооружен был 6-ю орудиями, втащенными на высоту быками; поделаны траперсы и пороховые погреба; выход в горже закрыт крепкими барьерными воротами; в гарнизон его назначены были наиболее надежные четы 2-го класса и часть добровольцев; командование им поручено хорошему сербскому артиллерийскому офицеру, с приказанием держаться во что бы то ни стало».

Командиром нового укрепления был назначен капитан Ж. Протич, а гарнизон составили один из двух строивших его батальонов — 1-й Лепеницкий батальон 2-го класса², а также Белградская добровольческая чета. На редуте установили два нарезных 4-фунтовых орудия, две гладкоствольные 6-фунтовые пушки и две 12-фунтовые мортиры.

Турки на тот момент имели под Алексинацем 77 батальонов пехоты, 30 эскадронов и 12 батарей. На левом берегу Моравы действовал корпус Али-Саиб-паши, на правом — корпус Ахмед-Эюб-паши, в районе Тешицы был построен мост через Мораву, позволявший туркам в случае необходимости перебрасывать резервы с одного берега реки на другой. Всё было готово к решительному штурму Алексинаца, и Абдул-Керим-паша назначил его на 11 (23) августа.

Как с самого начала и предполагал Черняев, турецкий главнокомандующий, пользуясь огромным численным превосходством, в конце концов решил взять Алексинацкую позицию любой атакой. Для этого предназначались войска корпуса Ахмед-Эюб-паши, который развернул на правом фланге дивизию Сабри-паши, а в центре и на левом фланге — дивизию Сулейман-паши, дивизия Фазли-паши оставалась в резерве у села Станцы.

Сербы на левом берегу Моравы имели следующие силы: три с половиной бригады и четыре полевые батареи располагались в центре перед Алексинацем; пять с половиной бригад и четыре полевые батареи — на левом крыле у Шуматоваца и Пруговаца³; отдельный отряд в четыре батальона и два взвода полевых орудий под командой русского полковника Малиновского прикрывал крайний левый фланг у монастыря святого

Инженер-капитан Ж. Протич.
Командант Шуматовачкого редута

Стефана и села Езеро. Таким образом, здесь должны были сойтись примерно 30 тысяч турок и 15 тысяч сербов, причём последних поддерживали от 40 до 50 орудий.

Ещё в ходе боёв 10 (22) августа выявилось явное стремление турок обойти левый фланг сербской позиции. Естественно, Черняев не мог не обратить на этот сектор и на его центральный пункт — Шуматовачкий редут — самого пристального внимания. Сюда срочно подтягивались резервы, а майор Михаил Крейцер, командовавший тяжёлой артиллерией, получил приказ активно поддерживать редут перекрёстным огнём с основных позиций.

Утром 11 (23) августа настроение в штабе Черняева в Алексинаце было мрачным, все с тревогой ждали неизбежного штурма. Поскольку обход вражеского фланга корпуном полковника Хорватовича от Дервента на Рсовцы — Езеро, предпринятое в этот день, ещё не могло принести результата и сказаться на действиях турок, то Черняев решил произвести диверсию на другом берегу Моравы и повелел майорам Поповичу и Велемировичу атаковать неприятеля⁴.

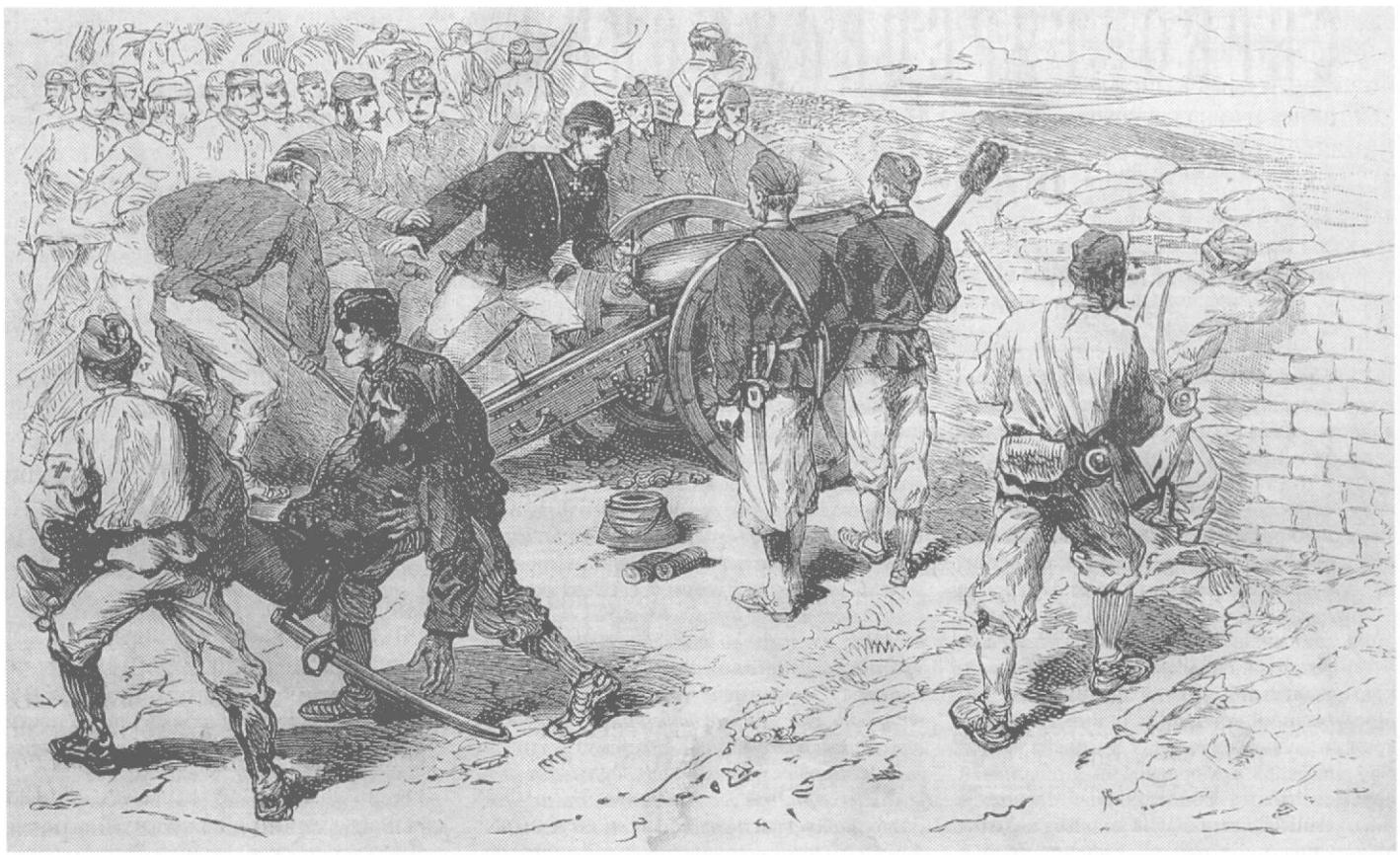
* Продолжение. Начало см. в № № 1, 2, 3 (2002–2004 гг.)

¹ В соответствии с терминологией того времени стрелковыми рвами именовали то, что мы нынче называем окопами. Термин же «окоп» тогда мог относиться к любому земляному укреплению, в том числе и к редуту.

² Это был один из батальонов Крагуевацкой бригады 2-го класса. Однако его команда, поручика Ефрема Марковича, по-видимому, на редуте не было — все авторы воспоминаний утверждают, что капитан Протич был единственным офицером в составе гарнизона. Кстати, выбор батальона 2-го класса для гарнизона редута был не случаен. Они были вооружены винтовками устаревшей системы, заряжавшимися с дула, которые наиболее подходили для стрельбы из-за бруствера редута. Кроме того, к этому моменту выявилась парадоксальная закономерность: части 2-го класса, составленные из призывающих старшего возраста, опытных, пожилых людей, отцов семейств, оказались гораздо устойчивее в бою, чем части 1-го класса, собранные из молодого контингента. Трудно сказать, учтывалось ли это обстоятельство, но оно, несомненно, содействовало успешной обороне редута.

³ В этом секторе были развернуты Белградская бригада 1-го класса, две Смедеревские бригады, Чуприйская бригада 1-го класса, два «комбинированных» батальона и полевые батареи Шафарика, Драголюба Марковича и Цветича. Кроме того, утром сюда были посланы из резерва Шабанская бригада 1-го класса и батарея Милована Павловича.

⁴ О результатах этой диверсии рассказано в предыдущей главе. См. «Армии и битвы» № 3, 2004.

Черняев у орудия на Шуматовашком редуте («Нива», 1876 г.)

Между тем в 8 часов утра турки открыли артиллерийский огонь по всей линии. Сербская артиллериya отвечала не менее оживлённо, а затем добавился и ружейный огонь. Густые цепи турок спускались с Буймирского хребта в долину Глоговацкого ручья, но при попытке атаковать Руевацкое плато в лоб дивизия Сулейман-паши понесла жестокие потери от артиллерийского огня сербов и откатилась назад. Однако вскоре с левого фланга пришло тревожное известие. На Пруговацких высотах, расположенных между Шуматовашкой горой и Пруговацким редутом, дивизия Фазли-паши отбросила отряд майора Йована Петровича, состоявший из 6-ти батальонов и лёгкой батареи, и рассеяла его пехоту, при этом был потерян Пруговацкий редут — крайнее левое укрепление сербской позиции. К счастью, турок удалось на некоторое время задержать перед редутом благодаря личной инициативе русского добровольца Д. А. Гольдштейна, сплотившего вокруг себя 200 черногорцев и несколько сербских воиников⁵. Этот отряд прикрыл отход сербских батальонов и предотвратил неминуемый стремительный прорыв позиции. Но войска Фазли-паши сумели занять выгодное положение для атаки Шуматовца: теперь они подходили к редуту одновременно с фронтом (примерно треть дивизии) и с левого фланга, со стороны Пруговаца (остальная часть дивизии).

Узнав о потере Пруговаца, Черняев немедленно приказал майору Петровичу как можно быстрее привести пехоту в порядок и сконцентрировать её за Шуматовашким редутом, в помощь ему был послан капитан Сыроватский. Одновременно к Шуматовашку были выдвинуты из резерва Шабацкая бригада 1-го класса под командованием капитана Илии Живковича и полевая батарея капитана Милована Павловича.

Было уже около полудня, когда Шабацкая бригада заняла первую линию. Она состояла из пяти батальонов (всего 1965 штыков), но офицеров было только трое: капитан И. Живкович (он командовал бригадой временно, вместо раненого майора Дука), поручик Милутин Карапович и адъютант подпоручик Стеван Никетич. Впрочем, вести бригаду на Шуматовашку должен был подполковник Дмитрий Караджич⁶.

На Шуматовашкой горе, перед редутом, бригада развернулась. В редуте находился капитан Протич с тремя четами (ротами) Лепеницкого батальона. Четвёртую чету он выслал занять стрелковый ров перед шанцем, в 250–300 шагах от него, и для её усиления просил Живковича выделить ещё две четы. Тот немедленно исполнил просьбу, а также сразу же отрядил поручика Караповича с 1-м Мачванским батальоном занять лес, расположенный впереди по обеим сторонам дороги на Пруговац. Остальные три с половиной батальона бригады оставались на месте в сомкнутых колоннах в качестве резерва. И в этот момент перед редутом появился Черняев с небольшой свитой⁷, который, убедившись, что из-за Моравы угрозы нет, а перед Шуматовашкой турки концентрируют войска, объезжал позиции. Осмотрев по дороге редуты основной линии, на Руевацком хребте, генерал в первом часу дня прибыл в Шуматовашкое укрепление. Капитаны Протич и Живкович доложили обо всех своих распоряжениях и получили одобрение Черняева, причём Протич, как писал Джорджевич, отдал рапорт по всей форме, с особым шиком, как будто дело было не под пулями врага, а на параде на Белградском плато. Внезапно на редут вбежал поручик Карапович и спешно доложил главнокомандующему: «Господин генерал, турки наступают через Пруговацкий лес тремя цепями, за которыми виднеется до

десятка сомкнутых колонн. Там их не менее 10–14 тысяч человек, и через пять минут не-приятель будет уже перед нами!» Не успев закончить, в подтверждение его слов грянул выстрел по подбирающейся к редуту, как посчитал Протич, банде головорезов-черкесов. Вскочив на бруствер и оглядев всё вокруг, Черняев понял, что редут атакуют не черкесы, а регулярные части и, не колеблясь, решил со штабом остаться, велев заложить ворота, чтобы каждый защитник осознавал, что отступления не будет и стоять придётся до конца. Присутствие главнокомандующего «конечно, придало большую правственную поддержку защитникам этого слабого укрепления: кроме того, вызвало и усиленную поддержку со стороны

⁵ Дмитрий Антонович Гольдштейн был преподавателем в одной из военных гимназий, приехал в Сербию как корреспондент одной из русских газет. Попав в боевую обстановку, сменил перо на саблю и револьвер, стал ординарцем Черняева и при выполнении самых опасных поручений неизменно поражал окружающих своим бесстрашием. Черногорцы были из эскорта черногорского посла при Сербском дворе сенатора Машо Врбиши. Оказавшись на фронте вместе со своим шефом, они не могли не включиться в борьбу, а поскольку обладали куда более высоким боевым духом, нежели основная масса сербских воиников, то им поручалась разведка и иные особо опасные задания.

⁶ Дмитрий Караджич оставил после себя в Моравско-Тимокской армии дурную память. В предыдущий день, 10 августа, он «столпом блестательно» командовал порученной ему колонной, что вся она в панике бежала на предметное укрепление, оголив фланг отряда полковника Раевского. В день Шуматовашкой битвы, по свидетельству П. Тодоровича, Караджич был совершенно пьян. Раевский якобы тоже отзывался о Караджиче, что он «просто пынчужка, и ничего более».

⁷ В состав свиты, по воспоминаниям очевидцев, входили: начальник штаба Моравско-Тимокской армии полковник Комаров, начальник артиллерии армии майор С. Гручи, начальник медицинской части армии доктор В. Джорджевич, адъютант Черняева поручик Лаврентьев, ординарец Черняева Д. Гольдштейн, переводчик при штабе П. Тодорович и ещё несколько офицеров. Двое из них — Джорджевич и Тодорович — оставили свои воспоминания о Шуматовашком бою.

соседних сербских отрядов», как отметил позднее в официальной сербской истории войны генерал Сава Груич. Ему ли было не знать этого, ведь он сам в качестве начальника артиллерии Моравско-Тимокской армии стоял рядом с Черняевым на бруствере Шуматовацкого редута!

Приближался кульминационный момент сражения. На Руевацком плато вокруг Шуматоваца развернулись 20 сербских батальонов при поддержке 37 полевых орудий, им противостояло 42 турецких батальона и 30 эскадронов. Погода была жаркая и безветренная, солнце пекло нестерпимо. Батареи турецкого правого фланга сосредотачивали свой огонь на горе и на сербских батареях, поддерживавших редут. Одновременно в лесу справа от горы началось сильное движение турецкой пехоты, по ней из кустарников уже был открыт ружейный огонь. Но Черняева больше беспокоило другое: лес, по которому проходила Пруговацкая дорога, тянулся далеко на север, и большие массы турок могли незаметно пройти в обход левого фланга сербской позиции. Он немедленно отдал распоряжение выдвинуть на это направление только что прибывшую батарею капитана Павловича, а батальонам Шабацкой бригады в случае сильного натиска турок отходить левее редута, чтобы прикрыть его с этой стороны. Всё это было сделано своевременно: не успела батарея Павловича развернуться на предписанной ей позиции, как против неё, на опушке леса, показались густые турецкие колонны, а за ними и сильные батареи.

Пера Тодорович, переводчик, находившийся на редуте в свите Черняева, описал впоследствии картину завязки боя. Он видел, как два сербских батальона прошли перед шанцем и спустились по расчищенной от кустарника поляне в сторону Пруговаких высот, там развернулись в стрелковые цепи и скрылись в лесу, за батальонами

двигалась батарея, а за нею — ещё один батальон в ротных колоннах (прикрытие батареи и резерв для стрелков). Батарея выдвинулась вперёд, а батальон, шедший за ней, остановился и залёг в колоннах среди расчищенной поляны. В этот момент со стороны противолежащих высот раздался ружейный выстрел, за ним второй, третий... затем грянул залп целого взвода. Батарея, едва став на позицию и выпустив первые снаряды, поспешно взяла на передки и галопом помчалась обратно, в сторону главной Алексинацкой позиции. Батальон вскошил, дал несколько нестройных залпов и бросился назад, огибая шанец главным образом слева. Из стрелковой цепи, впереди, доносилась бешеная пальба, но было ясно, что сербы быстро откатываются. Вскоре цепь рассыпалась, на поляне перед шанцем была уже просто толпа, продолжавшая вести яростный огонь. Многие тут же падали, убитые или раненые, грохот, беспрестанные крики, стоны — всё смешалось. Орудия из шанца открыли по высотам огонь гранатами, оттуда в ответ летела масса турецких пуль, они залетали даже в редут. Лишь пехота, стоявшая в шанце за бруствером, не могла сделать пока ни одного выстрела. Отсюда кричали: «Уходите с поляны! Освободите место для стрельбы!» Генерал Черняев велел трубить отбой, чтобы прекратить бесцельную пальбу и навести, наконец, порядок. Но в жутком гаме на сигналы трубача никто, казалось, не обращал ни малейшего внимания...

Будучи сугубо штатским человеком, Тодорович воспринимал увиденное как хаос, на самом деле здесь просматривается определённый порядок. Несмотря на первоначальное замешательство, начальник Шабацкой бригады капитан Жикович сохранил в основном управление своими подразделениями. В соответствии с приказом Черняева, по условному знаку с редута (тому самому сигналу трубача), он отвёл

Мустафа Фазли-паша
Начальник турецкой дивизии

значительную часть бригады влево, прикрыв наиболее опасное направление. Тут же развернулась и батарея капитана Павловича, обеспечив поддержку редута слева. Головной Мачванский батальон хотя и пострадал больше всех (среди раненых оказался и выборный «народный командир», командовавший им в отсутствие офицеров), но всё же выдержал первый натиск и приостановил врага. Теперь слева, со стороны Пруговака, редут был надёжно прикрыт, а справа его могла поддержать фланкирующим огнём артиллерия ближайших шанцев и батареи на Руевацком хребте. Все были готовы встретить атаку турок, и она не заставила себя долго ждать.

Тодорович вспоминал, как в 300 шагах от шанца, из леса и из кустов, высыпали густые ряды турок, быстро построились и под прикрытием ружейного огня с высот беглым шагом устремились на редут. Впереди

Атакуют турецкие войска

В. В. Комаров.
Начальник штаба Моравско-Тимокской армии

шли черкесы. Их байрактары (знаменщики) размахивали белыми знамёнами, указывая ими на редут, как бы призывая остальное войско поспешить за ними. Воинственные крики турок сотрясали воздух; вся их огромная масса накатывалась на маленький редут, как неудержимый поток. Но гарнизон редута, следуя примеру главнокомандующего и старших офицеров, проявил выдержку и присутствие духа. В полном молчании он подпустил атакующих на ближний картечный выстрел. Тодорович краочно описал этот страшный момент: «Вот уже на сто шагов перед нами мелькают их алые фески и сверкают их штыки; нас оглушает крик: «Аллах! Аллах! Аллах!» Но вот по шанцу прогремела команда: «Картечом скора ватра... Плотуном скора ватра!»⁸ — и редут разом опоясался единым слитным залпом. Как будто раскололось ядро вулкана... В наступившей на минуту после залпа тишине было слышно, как воиники, поспешно забивая пули в дула ружей, шептали: «Господи помоги!» И снова уже гремят команды: «Плотун, картеч! плотун, картеч!»⁹ ...и после третьего залпа, неприятель, сломав ряды, опрометью бросился обратно под прикрытие леса. Знамёна больше уже не развевались над

С. Груич.
Начальник артиллерии Моравско-Тимокской армии

турецкими рядами, — они упали на землю вместе с несшими их байрактарами, сражёнными сербскими пулями. Наш шанец затрясся от громового «Ура!»... первый штурм врага успешно отражён.

Через три четверти часа последовал новый штурм, страшнее первого; на этот раз турки надвигались как с фронта, так и с обоих флангов. В начале этой атаки погиб Протич: пуля попала ему в лоб, и он замертво упал на землю. ««Какое несчастье!» — вздохнул Черняев, и в глазах у него заблистали слёзы. Он наклонился над убитым, снял шайкачу, поцеловал его в лоб и чуть слышно прошептал: «Прощай, Живан Протич, прощай любезный друг!» Так описал Джорджевич реакцию генерала на это событие. После этого, согласно наиболее распространённой легенде, Черняев сам бросился к орудию, «на место раненого, забывая о той страшной опасности, какой он подвергается, и не обращая внимания на предостережения окружающих».

Полтора месяца спустя гравюру с изображением этой сцены увидела на обложке журнала «Нива» вся читающая Россия: санитары выносят тело Протича, Черняев находит орудие, Комаров и остальные чины штаба пытаются оттащить его от пушки, тщетно объясняя, что он подвергает свою жизнь смертельной опасности, расчёт, остолбенев от неожиданности, стоит по стойке «смирно». Сюжет наивен, и, несомненно, «домыслен» художником на основе набросков, сделанных, скорее всего, в более спокойной обстановке.

Стрелял ли Черняев на самом деле из пушки на Шуматовском редуте? По этому поводу есть несколько версий. Джорджевич свидетельствует, что Черняев лично проверял наводку орудий в начале боя, но никак не связывает этот эпизод со смертью капитана Протича.¹⁰ Тодорович же утверждает, что Черняев с Комаровым, доктором Джорджевичем и остальной свите ничем себя не проявили, а лишь сидели всё время в надёжном укрытии.¹¹ Впрочем, откровенную пристрастность Тодоровича в данном случае можно объяснить его политическими убеждениями. Он был радикалом и анархистом; учась в Европе, посещал кругок Бакунина, разумеется, Черняева и Комарова считал людьми априори вредными, которые не могли пойти на героические поступки, а все подвиги, как постоянно подчёркивал в своих записках, совершали исключительно рядовые. Но тот же Тодорович упоминает, что сразу после гибели Протича рядовые бойцы гарнизона проявили незаурядную выдержку, подпустив атакующих почти вплотную. Однако рядовым, внезапно лишившимся командира, естественнее было бы открыть беспорядочный огонь. Всё это означает лишь одно: Черняев, или кто-то из его штаба, немедленно взял командование на себя и пресёк возможность возникновения паники.

Стоит отметить ещё один момент, о котором рассказывает доктор Джорджевич. Не раз в продолжение боя чины штаба пытались уговорить Черняева уехать с редута, где его жизнь подвергалась столь явной и совершенно напрасной опасности, но тот неизменно отвечал: «Возможно гарнизон потому и держится так храбро, что видит рядом с собою весь главный штаб армии». И советники поневоле замолкали. Так что,

в конце концов, совершенно неважно, стрелял ли Черняев из пушки или просто спокойно стоял на глазах у всех под ураганным огнём — в критическую минуту он подавал пример мужества и выдержки, что способствовало поддержанию высочайшего боевого духа у гарнизона редута.

В ходе второго штурма туркам удалось подобраться к редуту слева почти вплотную. Здесь располагался уже покинутый сербами стрелковый ров, и турки, готовясь к последнему броску, не замедлили воспользоваться им. Момент был тем более опасный, что гарнизон в это время напрягал все силы, отражая атаку с фронта. Но манёвр врага заметил командир полевой батареи капитан Павлович и приказал выдвинуть орудия несколько вперёд, чтобы накрыть ров продольным огнём. Первая же граната попала точно в цель и положила на месте немало человек, за нею последовал шквал снарядов, — и вскоре во рву не осталось ни одной живой души. На следующий день сербам пришлось выгребать оттуда «казу» из раздробленных костей и мяса. Таким образом, вторая атака, как и первая, была отбита.

Вот как описал этот бой корреспондент «Санкт-Петербургских Ведомостей» Дмитрий Гирс, наблюдавший картину штурма со стороны: «Артиллерия главной позиции приказано было участить огонь. Редут непрерывно стрелял по лесу то гранатами, то картечью. Батальоны в оврагах, фланговавшие редут, были передвинуты влево от него, на дорогу, и также открыли перестрелку с турками. Пальба около редута была столь сильна, говорят, что иногда по получасу, за дымом невозможно было разглядеть, что происходит на укреплении. «Держится ли? Держится ли?» — помимо все спрашивали с беспокойством друг у друга. Несмотря на то, что всем батареям главной позиции и своего дела было довольно в перестрелке с противником, внимание сосредоточено было на Шумадинском редуте; все бинокли, какие только нашлись, наведены были на это укрепление, которое гордо стояло далеко впереди всех, опоясанное постоянно густыми облаками белого дыма от своего пушечного и ружейного огня и от лопавшихся вокруг гранат... По временам пароксизм атаки ослабевал на полчаса или час: турецкие пушки, прямо стоявшие против редута, — смолкли. Тогда маленький редут пользовался кратковременным отдыхом, переставая стрелять. Но зато соседние турецкие батареи, находившиеся с боков, не оставляли его и косыми выстрелами старались не дать ему оправиться, отдохнуть. Несколько раз турецкая пехота густыми застrelъичными цепями высыпала из лесу и как бы намеревалась идти на редут с фронта; в таком случае редут стрелял учащенно картечью, сербские батальоны, стоявшие в ложбине влево от него, начинали тоже стрелять, — и турки, добежав до половины горы, на которой стоит редут, бросались опрометью назад, под прикрытие леса и своих батарей, усеивая гору и ложбину своими трупами».

Штурм возобновили в 3 часа дня, и ещё раз — в 4, но добиться успеха турки не смогли, хотя командиры и гнали их безжалостно вперёд. Наконец их цепи залегли перед редутом, в отбитых у сербов окопах, не пытаясь уже более из них выплыть.

После отражения четвёртой атаки Черняев наконец покинул Шуматовац, чтобы ознакомиться с положением на других участках фронта. Перед отъездом он собрал свою свиту и произнёс: «Комендант шанца погиб! Кто хочет остаться здесь за коменданта?» Тут же вперёд выступил Дмитрий Гольдштейн, который, как упоминалось выше, уже успел отличиться в этот день и получить из рук главнокомандующего медаль «За храбрость». «Если нет других желающих, то позвольте остаться мне!» — сказал он. Черняев обнял его, утвердил в должности и просил столь же храбро держаться и дальше, затем произнёс перед солдатами короткую речь, встреченную криками «Ура! Живио¹² генерал!», а также распорядился переименовать укрепление в честь убитого капитана Протича в «Живанов шанец» и отослать вдове покойного 200 дукатов.

Черняев вернулся в Алексинац, но борьба за редут не закончилась. Пятый, последний, штурм Шуматоваца турки предприняли в 8 часов вечера, уже в сумерках. Некоторые турецкие солдаты сумели проникнуть даже в ров перед редутом. Несколько близко они подобрались стало понятно лишь на другой день, когда сербы из-под груды мёртвых тел во рву извлекли живого, хотя и сильно помятого, солдата-негра из египетского контингента, а возле рва нашли убитого турецкого ослика с нагруженными на него ящиками запасных патронов. Во время этого штурма у защитников редута кончилась картечь, а подвезти её не было возможности. Тогда солдаты стали собирать ружейные пули, наполняя ими свои шапки-шайкачки, и палить такими импровизированными зарядами. Благодаря этой выдумке штурм был отбит.

В штабе Черняева настроение было тревожным: судьба Шуматоваца всё ещё неясна. В сумерках было отлично видно, как непрерывный ружейный огонь неприятеля алым поясом охватывает с трёх сторон геронческий шанец. Наконец в половине девятого стрельба стихла. Поздно вечером

⁸ Сербск.: Картечью беглый огонь! Взвод, беглый огонь!

⁹ Сербск.: Взвод... картеч! Взвод... картеч!

¹⁰ Джорджевич вспоминает, что Черняев на следующий день после битвы, к вечеру, получив известие о прибытии корпуса Хорватовича, велел открыть по всей линии артиллерийский огонь, причём «прибыл на Шуматовачкий редут, лично произвёл первый выстрел из орудия», присутствовавший итальянский корреспондент сделал карандашный набросок этого эпизода. Если Джорджевич ничего не перепутал, то именно этот итальянец и является автором рисунка, с которого затем была сделана гравюра для «Нивы». Сюжет, видимо, оказался «дакомским кусочком» для газетчиков. Ведь у любого читателя при виде подобной картины немедленно возникла ассоциация с Наполеоном Бонапартом, который порой сам наводил пушку (и не раз был так запечатлён батальонистами). В штабе Черняева «история с пушкой», похоже, не придавала никакого значения.

¹¹ Тема Черняева, стреляющего из пушки, появляется и в воспоминаниях П. Тодоровича. Согласно его версии Черняев со штабом, покинув Шуматовац, направился на позицию одной из батарей, активно поддерживавшей шанец огнём. «Мы подъехали к ней, спешились, и я был свидетелем, как генерал лично бегал от орудия к орудию, сам наводил и командовал огнём целой батареи». По поводу этого пассажа А. Л. Шемякин, автор книги «Смерть графа Вронского» (М., 2002), патетически восклицает: «Главнокомандующему не пристало играть роль капитана Тушина». И всё же в военной истории есть немало случаев, когда в критический момент боя личный пример главнокомандующего позволял переломить ситуацию и, в конечном итоге, обеспечивал победу. Исход боя за Шуматовац как раз и является блестящим тому подтверждением.

¹² Сербск.: Да здравствует.

Штаб Черняева под Алексинацем (реконструкция А. А. Петрова)

Черняев М. Г. в походной форме сербского генерала

Реконструкция выполнена на основе воспоминаний очевидцев и фотографий Черняева в сербской форме. Корреспондент Дмитрий Гирс в «Санкт-Петербургских Ведомостях», № 234, от 25 августа (6 сентября) 1876 г. писал: «Черняев носит сербскую генеральскую форму: тёмно-коричневую суконную блузу с галунами на отложном воротнике, красные в обтяжку, вроде наших гусарских, брюки, с низкими ботфортами, и обыкновенную сербскую тёмно-синюю суконную шапку, обшитую двумя красными полосками тесьмы. Он имеет черкесскую шашку через плечо. Из орденов он носит лишь "Георгия" на шее, да сербский золотой крест "Такова" за храбрость, пожалованный ему князем Миланом за победу под Бабиной Главой». На очерке пометка: «Из Алексинаца, 8 (20) августа». Таким образом, автор передаёт внешний вид Черняева накануне Шуматовачкой битвы; он и взят за основу реконструкции. Однако следует отметить, что Гирс допустил неточность, упомянув о двух красных полосах на шапке. На самом деле, согласно приказу князя Милана от 5 июня 1876 г., генералы, командиры дивизий и бригад должны были иметь на шапке, по краю её клапанов, полоски из тесьмы тёмно-красного сукна: бригадные командиры — одну, дивизионные — две, генералы — три. При этом для первых и вторых ширина полоски устанавливалась 1,5 см, а для генералов — 1 см; нашивались они на расстоянии 0,5 см друг от друга. (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 8976. Л. 117-119.)

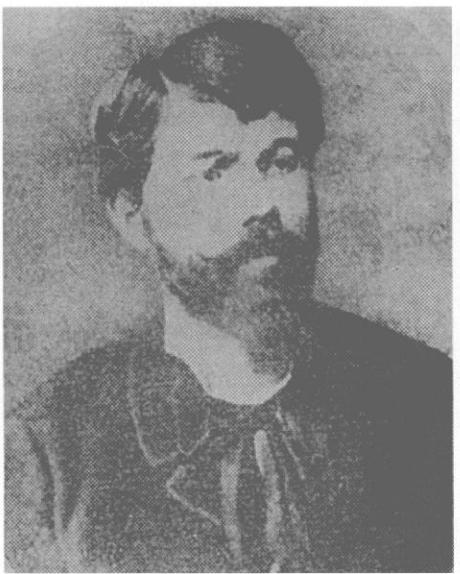
Описанный выше внешний вид М. Г. Черняева в целом подтверждают и другие добровольцы. «Он был одет в походный зипун с генеральскими витушками на плечах, в красных чинчирах, в больших сапогах, с крестом на шее», — свидетельствовал 30 августа Н. В. Максимов (Две войны. СПб., 1879. Ч. I. С. 70). «Он был в коричневой сербской блузе с золотым воротником, узеньких красных штанах, гусарских ботиках, с кавказской шашкой через плечо, русским Георгием на шее и орденом Такова 1-й степени», — отмечал примерно тогда же К. И. Воронич (Изанка Сербской войны. СПб., 1877. Ч. I-2. С. 126.). «Черняев был в синей куртке. На голове шапка с тремя красными полосками; на шее два креста — Георгиевский и Таковский, штаны тёмно-красные и большие сапоги», — таким увидел Черняева в конце сентября князь В. П. Мещерский (Правда о Сербии. СПб., 1877. С. 254). Впрочем, упоминание о синей куртке — скорее всего ошибка, с повседневным двубортным тёмно-синим мундиром Михаил Григорьевич, очевидно, носил бы кепи, а не шайкачуку. На рисунке Черняев изображён без ордена Такова на шее, так как получил его позднее, после победы при Шуматовице.

Штабной офицер, подполковник сербского Генерального штаба, в походной форме

Все офицеры Генерального штаба и те офицеры бригадных и дивизионных штабов, которые исполняли обязанности офицеров Генерального штаба, согласно приказу князя Милана от 5 июня 1876 г. должны были носить тёмно-синюю шайкачу с полоской по краю её клапанов из тесьмы светло-зелёного сукна шириной 3 см. Шинель серо-голубая, двубортная, с золотыми пуговицами. Воротник шинели у офицеров пехоты и Генерального штаба — тёмно-синий, с красным кантом и красной петлицей; для штаб-офицеров, дополнительно, подкладка до пояса была алоей. На шинели золотые штаб-офицерские погоны с красным кантом, такие же, как на парадном мундире. Под шинелью видна походная блузка, на стоячем воротнике петлицы из золотого галуна на красном поле, на каждой две серебряные звёзды. Сабля — офицерская, с темляком, пасники покрыты золотым галуном с красным подбоем. На груди — орден Такова.

Ординарец генерала Черняева

В данном случае сделана попытка реконструировать внешний вид одного из ординарцев Черняева — русского офицера-добровольца князя Гавриила Шахназарова (в некоторых источниках встречается иное написание — Шах-Назаров). Шахназаров служил юнкером в Конвой Его Величества, приехал в Сербию в первых числах августа 1876 г. и вскоре стал ординарецем Черняева. Гирс называл его «примерным ординарецем» и оставил нам такое его описание: «Ординарец штаба, поручик со смуглым восточным лицом и длинными бакенбардами. Носит во всех делах всегда русскую офицерскую фуражку с красным окольцем и кокардой». (Санкт-Петербургские Ведомости. № 282 от 12 (24) октября 1876 г.). Головным убором, официально предписанным для адъютантов и ординарцев, являлась шайкачука, подобная той, какую носили штабные офицеры, но обшитую не светло-зелёной тесьмой, а белой. Однако в среде русских добровольцев нередко были случаи отступления от регламента и смешения сербской и русской форм; в мемуарной литературе и периодике того времени встречаются описания и изображения офицеров в сербских мундирах и русских фуражках. Офицерский парадный шарф поверх полевой блузы являлся знаком дежурного по штабу, в соответствии с приказом князя Милана от 5 июня 1876 г. Вооружение этого офицера — кавказская шашка на ремне через плечо. На груди серебряная медаль за храбрость.

П. Тодорович

Черняев отправил князю Милану следующую телеграмму: «Шестой день борьбы: все свалились от усталости. Неприятель везде сильнее нас. Сегодняшний бой длился от 3 часов утра до 8 вечера; много раненых и убитых». Сам он ещё не верил в победу и ждал новой атаки на Шуматоваца на следующий день. Но утром в окопах перед Шуматоватцем не оказалось ни одного турка. Поздно ночью неприятель отошёл, оставив на поле боя сотни своих неубранных трупов. Как потом выяснилось, дивизия Фазли понесла при штурме редута огромные потери, и боевой дух её солдат был сломлен. Кроме того, вечером Абдул-Керим узнал, что передовые части корпуса Хорватовича вышли к селу Рсовцы, создав непосредственную угрозу его правому флангу. В таком обстановке турецкому главнокомандующему пришлось признать себя побеждённым и отдать приказ об общем отступлении. Тяжелейшая шестидневная битва завершилась полной победой сербского оружия.

Утром 12 (24) августа патрули донесли, что турки покинули позиции перед Шуматоватцем. Следуя за отступающим врагом, сербские части беспрепятственно заняли Пруговацкий редут, оставленный ими на кануне. Несмотря на это, Черняев в течение всего дня ожидал новой атаки турок, поспешно концентрируя силы вокруг Шуматоватца и Пруговаца. Лишь в 4 часа вечера, узнав, наконец, что войска Хорватовича вышли во фланг турецкой группировки и установили связь с левофланговым отрядом Малиновского, он поверил в победу и по-

Литература

- Опачић Петар. Соко Саво. Српско-турски ратови 1876–1878. Београд, 1981.
 Мишић Живоин. Мое успомене. Београд, 1980. Т. 1.
 Ђорђевић Владан. Српско-турски рат. Успомене и бедешке из 1876, 1877, 1878 године. Београд, 1907. Кн. 1, 2.
 Тодоровић Пера. Дневник једног добровољца. Београд, 1964.
 MacKenzie David. The lion of Tashkent. Athens, 1974.
 Гейман П. А. Славяно-турецкая борьба 1876–1877–1878 гг. и её значение в истории развития Восточного вопроса. СПб., 1887. Ч. 1, 2.
 Овсяный Н. Р. Сербо-турецкая война 1876 года // Ближний Восток и Славянство. Сб. статей. СПб., 1913. С. 141–213.
 Никитин С. А. Письма и записки Н. А. Киреева // Славянский сборник. М., 1948.
 Архив Раевских. Пг., 1915. Т. 5.
 Санкт-Петербургские ведомости, Нива, Пчела, Всеобщая Иллюстрация и др. период. изд., 1876 г.

слал телеграмму с известием об этом князю Милану. Князь ответил ему собственноручным посланием: «Дорогой Генерал, после блестящей победы, одержанной Вами 12-го числа сего месяца под Алексинацем, после шестидневных лишений, трудов и брани, я исполняю свой долг, посылая Вам самые сердечные поздравления вместе с выражением моей наилучшей благодарности. Прошу Вас принять прилагаемые знаки ордена Такова на шею, как скромное свидетельство моей признательности, которой пыне проникнуто все Сербское войско к своему славному военачальнику. Искренне признательный и благодарный М. М. Обренович. Белград 13 Августа 1876 года».

Высшая степень ордена Такова, которой князь Милан наградил Черняева, была специально учреждена им по этому случаю. Начальник штаба армии полковник Комаров и командующий Алексинацкой позицией (и 2-м корпусом) полковник Коста Протич получили звание генерала¹³.

В сражении у Шуматоватца 5 сербских бригад потеряли 135 человек убитыми, 1436 ранеными и 11 без вести пропавшими; по другим данным, за шесть дней сражения потери у сербов составили: убитыми 9 офицеров (из них 7 русских) и 371 человек нижних чинов, ранеными 38 офицеров (из них 23 русских) и 1195 нижних чинов, всего 1613 человек. Как видим, итоговые цифры потерь в разных источниках заметно расходятся, но бросается в глаза, что русские добровольцы заплатили за эту победу очень высокую цену. Турецкие потери (все выжившие из строя) в различных источниках

оцениваются в пределах от 2400 до 3200 человек. В лесах у подножья Шуматоватца турки бросили до 400 своих убитых. Трупов было так много, что сербам пришлось на следующий день сташить их в одну кучу и сжечь.

Основная тяжесть боевых действий за Шуматоватца пришлась на сербскую артиллерию (особенно на батарею Милована Павловича), Шабацкую бригаду и Лепеницкий батальон, составлявший гарнизон германского редута. По свидетельству И. Живковича, его бригада потеряла в этом бою 37 человек убитыми, 227 ранеными и 6 пропавшими без вести; всего около 13 процентов личного состава бригады. На редуте было убито лишь 3 человека и 8 ранены. Впрочем, возможно, эти цифры занижены; Тодорович писал, что на редуте выбыло из строя до 40 человек.

В сражении у Шуматоватца сербы одержали самую крупную победу за всю войну. Несомненно, это была и личная победа Черняева. Всё удалось ему в этот день: он сумел предугадать направление вражеского удара, заблаговременно укрепил ключевую высоту, сконцентрировал вокруг неё войска и подавляющий огонь артиллерии, наконец, прибыв на этот важный пункт, остался там, чтобы своим присутствием и собственным примером поддержать войска в критический момент боя. И его усилия увенчались полным успехом.

(Продолжение следует)

¹³ Относительно последнего иззвительного Тодорович заметил, что чин генерала был дан ему в качестве компенсации за погибшего брата.

Сербы сжигают турецкие троны после сражения при Шуматоватце («Пчела», 1876 г.)

